512.053

8Р
Т-87

ПИСЬМА

И. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ

ПАУЛИНѢ ВІАРДО.

ФОНД

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

Пр. 2010

512053

Черниково
Ф 27033

ПИСЬМА

И. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ

ПАУЛИНѢ ВІАРДО.

Уральская Областная
БИБЛИОТЕКА
Фундаментальная
1936 г.

МОСКВА.
Университетская типография, Страстн. бульв.
1900.

8р
Т 87

1,3 Тургенев И. С.

Библиотека

Дозволено цензурой. Москва, 27 марта 1899 г.

512052

Пр. 1940

Письма И. С. Тургенева къ гжѣ. Віардо имѣютъ свою интересную и довольно загадочную исторію.

Въ исходѣ 1897 года гжа Віардо обратилась въ редакціи русскихъ газетъ съ просьбою помѣстить ея заявленіе, въ которомъ, сообщая о кражѣ у нея этихъ писемъ, и о томъ, что, по ея свѣдѣніямъ, они находятся въ чьихъ-то рукахъ въ Орловской губерніи, просила русскіе органы печати не помѣщать ихъ, еслибы они были кѣмъ-нибудь предложены.

Не прошло года съ тѣхъ поръ—и вотъ эти самыя письма появились

во французскомъ журналѣ *Revue hebdomadaire,* сопровождаемыя объясненіемъ г. Гальперина-Каминскаго относительно ихъ судьбы и разрѣшенія гжи Віардо на ихъ печатаніе.

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ г. Гальперинъ-Каминскій въ этомъ объясненіи (*La Revue hebdomadaire* 1898 г. № 43, отъ 24 сентября):

„Затерянныя или похищенныя во время войны 1870 года, вынудившей семейство Віардо оставить Баденъ и переселиться въ Лондонъ, эти письма были снова найдены только два года тому назадъ.

„Понятно, что гжа Віардо желала снова вступить въ обладаніе документами, отъ которыхъ она никогда добровольно не отказывалась, и на которые имѣла всѣ нравственныя и юридическія права. Съ другой стороны, и тѣ мотивы, которые настоящій владѣлецъ писемъ выставлялъ какъ причину храненія ихъ, не были лишены значенія. Онъ нашелъ этотъ цѣнный пакетъ среди малозначащихъ бумагъ, въ ящикѣ, пріобрѣтенномъ имъ у одного берлинскаго букиниста; этотъ послѣдній въ свою очередь, кажется, пріобрѣлъ ихъ у вдовы одного французскаго врача; на этомъ останавливаются мои изслѣдованія о находкѣ.

„Какъ бы то ни было, послѣдній пріобрѣтатель этихъ писемъ, просвѣщенный соотечественникъ и почитатель Тургенева, какъ и всѣ Русскіе, счелъ своимъ долгомъ сохранить какъ святыню эту, случайно попавшую въ его руки, корреспонденцію до того дня, когда можно будетъ ее обнародовать. А этотъ день могъ наступить не ранѣе какъ по устраненіи препятствій къ ихъ опубликованію въ лицѣ того, къ кому эти письма были адресованы.

„А такъ какъ, въ концѣ концовъ, собственникъ этихъ писемъ не столько интересовался денежнымъ вопросомъ, сколько желаніемъ обставить ихъ опубликованіе возможно лучшими литературными условіями, то я сталъ убѣждать его въ томъ, что это предпріятіе будетъ имѣть очевидныя преимущества, разъ оно будетъ осуществлено при жизни и подъ личнымъ наблюденіемъ знаменитой артистки.

„Такимъ образомъ, только послѣ двухлѣтнихъ переговоровъ, мнѣ удалось получить эти письма, которыя я и издаю *съ разрѣшенія и подъ контролемъ гжи Віардо.*

„По чрезмѣрной, по моему мнѣнію, скромности, гжа Віардо разрѣшила опубликовать лишь тѣ страницы, которыя представляютъ безспорный общій интересъ, а также содержатъ наименьшее количество лестныхъ похвалъ, вызвавшей все-

общее поклоненіе создательницѣ стольkихъ лирическихъ образовъ; она исключила также нѣкоторыя выдержки, даже цѣлыя письма, испещренныя порою мѣткими, но отнюдь не злыми замѣчаніями, направленными противъ извѣстныхъ лицъ, или же касающіяся подробностей совершенно частнаго характера."

Во всякомъ случаѣ письма нашего знаменитаго художника слова составляютъ важный біографическій матеріалъ и, разъ гжа Віардо нашла возможнымъ или нужнымъ согласиться на опубликованіе хотя части этой переписки,—русскіе читатели, конечно, съ еще бо́льшимъ интересомъ, нежели французскіе, прочтутъ ихъ

I.

Санктъ-Петербургъ, 8/20 ноября 1846

Спѣшу отвѣтить, мои дорогіе друзья, на любезное, написанное вами обоими письмо. * Оно доставило мнѣ истинное удовольствіе, доказавъ что вы ко мнѣ не измѣнились. Вмѣстѣ съ тѣмъ благодарю васъ за всѣ сообщенія которыя вы мнѣ даете о вашей жизни въ прошломъ и будущемъ. Если судьба не будетъ мнѣ противиться, я надѣюсь совершить маленькое путешествіе по Европѣ въ будущемъ году, начиная съ января, такъ что это вовсе не относится къ области невозможнаго что вы, сударыня, будете имѣть одного лишняго зрителя въ „Opern-Haus“. **

Я читаю всѣ статьи прусскихъ газетъ, которыя васъ касаются, прошу

---

* Г. и г-жа Віардо.

** Берлинская Опера.

васъ этому вѣрить, и я былъ очень счастливъ, очень доволенъ вашимъ тріумфомъ въ *Нормѣ*. Это мнѣ доказываетъ что вы сдѣлали успѣхи, то-есть тѣ успѣхи которые дѣлаютъ и никогда не перестаютъ дѣлать *маэстро*. Вы достигли того что усвоили себѣ элементъ *трагическій*, единственный которымъ вы еще не вполнѣ владѣли (такъ какъ, что касается элемента патетическаго, то видѣвшіе васъ въ *Сонамбулѣ* имѣютъ о немъ уже опредѣленное мнѣніе), и я васъ поздравляю отъ всего сердца. Когда обладаешь воодушевляющимъ васъ благороднымъ честолюбіемъ и столь богато-одаренною, какъ ваша, натурой, нѣтъ того вѣнца къ которому съ Божіей помощью нельзя было бы стремиться.

Выборъ оперъ, которыя вы даете въ „Opern-Haus“, мнѣ кажется восхитительнымъ (разумѣется я предпочелъ бы *Гугенотовъ—Силезскому Лагерю*). Что же до *Ифигеніи*, то осмѣлюсь вамъ посовѣтовать внимательно перечитать трагедію Гете того же

названія, тѣмъ болѣе что вы имѣете дѣло съ Нѣмцами, которые почти всѣ знаютъ ее наизусть, почему ихъ пониманіе и способъ изображенія Ифигеніи уже безповоротно установлены. Впрочемъ, трагедія Гете, безъ сомнѣнія, прекрасна и величественна, а изображенный имъ образъ отличается простотою античной, чистой и спокойной, можетъ быть, черезчуръ спокойной, особенно для васъ, благодаря Бога, являющейся къ намъ съ Юга. Однако, такъ какъ и въ вашемъ характерѣ много спокойствія, то я думаю что роль эта превосходно подходитъ къ вамъ, тѣмъ болѣе что вамъ не надо дѣлать никакихъ усилій подняться до всего того что̀ благородно, велико и правдиво въ созданіи Гете,—все это дано вамъ отъ природы. Сама Ифигенія не была „дочерью Сѣвера"; для рыбы нѣтъ заслуги въ томъ что она остается спокойною.

Вы хорошо произносите по-нѣмецки, не на французскій ладъ;—напротивъ, вы нѣсколько преувеличиваете

ударенія, — но я увѣренъ что, съ обычнымъ вашимъ стараніемъ, вы уже избавились отъ этого легкаго недостатка.

Простите, тысячу разъ простите за эти совѣты педанта; вы знаете что они исходятъ изъ того живаго интереса съ которымъ я отношусь ко всѣмъ малѣйшимъ вашимъ поступкамъ и дѣйствіямъ, а затѣмъ только одно совершенство можетъ идти *къ вамъ*, а *насъ* удовлетворять, когда мы васъ слушаемъ... сѣтуйте на самое себя... зачѣмъ было баловать насъ?

Боже мой, какъ я былъ бы счастливъ послушать васъ эту зиму!... Надо этого достичъ тѣмъ или другимъ способомъ.

Въ письмѣ которое я писалъ вашей матушкѣ я сообщилъ ей нѣкоторыя подробности о здѣшнемъ театрѣ, что̀ освобождаетъ меня отъ возвращенія къ этому предмету. Я предпочитаю поздравить васъ съ вашимъ времяпрепровожденіемъ въ деревнѣ... Да, разумѣется, мнѣ очень любо-

пытно видѣть ваши работы *... Терпѣніе!

Я еще не получалъ маленькой книжки Віардо (котораго я благодарю за добрую память), но я уже прочелъ ее и нашелъ въ ней тотъ трезвый и тонкій умъ, тотъ простой и вмѣстѣ съ тѣмъ изящный слогъ, традиція котораго, повидимому, собирается исчезнуть во Франціи. Кстати о литературѣ: принцъ Каролъ въ послѣднемъ романѣ гжи Зандъ (*Лукреція Флоріани*), повидимому, Шопенъ.

Скажу вамъ (если это можетъ васъ интересовать) что намъ удалось основать свой журналъ, который появится съ Новаго года и устраивается при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ. Я участвую въ немъ лишь въ качествѣ сотрудника. **

---

* Очевидно, рѣчь идетъ о музыкальныхъ сочиненіяхъ гжи Віардо.

** Намекъ на *Современникъ*, издаваемый Некрасовымъ и Панаевымъ, и главными сотрудниками котораго съ Тургеневымъ были: Толстой, Островскій, Григоровичъ, критикъ Бѣлинскій и др.

Въ настоящее время я много работаю и почти никого не вижу. Здоровье мое хорошо, и глазамъ моимъ не хуже что̀ уже бо́льшое счастье. У меня три довольно хорошенькія комнатки, гдѣ я живу настоящимъ отшельникомъ съ моими книгами которыя мнѣ, наконецъ, удалось собрать съ четырехъ концовъ свѣта— мои надежды и мои воспоминанія. Я очень бы желалъ имѣть здѣсь ту прекрасную верховую лошадь, на которой ѣздилъ въ деревнѣ, но жизнь такъ дорога въ Петербургѣ! Это была свѣтло-гнѣдая англійская кобыла, съ превосходнымъ ходомъ, кроткая, сильная, выносливая. Точно также мнѣ посчастливилось пріобрѣсти превосходную охотничью собаку. Ее зовутъ *Пифъ* (забавное имя, не правда ли, для суки?); кобылѣ же моей, напротивъ, дала имя старая живущая у моей матери Англичанка; она назвала ее *Queen Victoria*. У меня была еще другая собака, грифонъ, чудовище по своему безобразію, ни къ чему негодная, но очень

ко мнѣ привязанная. Она отзывалась на кличку *Paradise-Lost*... Вотъ настоящая-то болтовня и ребячество. Я краснѣю и прошу ихъ извинить.

Вы должны обѣщать написать мнѣ *на слѣдующій же день* послѣ вашего перваго нѣмецкаго представленія, а если напишите еще и до того, въ случаѣ у васъ явится желаніе, тѣмъ лучше. Со своей стороны, теперь, когда плотина прорвана, я васъ наводню письмами. На этотъ разъ я пишу на ваше имя, такъ какъ не знаю, находится ли еще Віардо въ Берлинѣ. Странно, однако, что письма наши затерялись!

Тысяча—нѣтъ—милліонъ привѣтствій всѣмъ вашимъ. Я полагаю, вы не нуждаетесь въ моихъ увѣреніяхъ въ дружбѣ и преданности, чтобы вѣрить въ нихъ; мы уже старые друзья, трехлѣтніе друзья. Я тотъ же и такимъ же всегда останусь; я не хочу, не могу измѣниться.

Позвольте мнѣ вполнѣ дружески пожать ваши руки; искренно желаю вамъ счастья.

До свиданія въ одинъ прекрасный день; да, я глубоко вѣрю что день этотъ будетъ прекраснъ!

Луиза * еще не достаточно большая дѣвица чтобы обидѣться на тотъ крѣпкій поцѣлуй, которымъ я цѣлую ее пухленькую щечку. Еще разъ прощайте.

Всецѣло вамъ преданный

Иванъ Тургеневъ.

---

* Старшая дочь г-жи Віардо.

ый
нь

ль-
ть
ую
зъ

II.

Парижъ, 19 октября 1847.

Знаете ли вы что ваши прелестныя письма даютъ весьма трудную задачу тѣмъ кто претендуетъ на честь переписываться съ вами? Я нахожусь еще въ тѣмъ бо́льшемъ затрудненіи что, вслѣдствіе легкаго нездоровья (которое теперь уже совсѣмъ прошло), удерживавшаго меня всѣ эти дни въ комнатѣ, не могу, какъ намѣревался, отправить вамъ маленькій обзоръ всего происходящаго теперь въ Парижѣ. И вотъ мнѣ, какъ Корнелевской Медеѣ, приходится ограничиваться собственными средствами. Это меня весьма смущаетъ!... Но все равно! я разчитываю на вашу снисходительность... Ахъ! Но— кромѣ шутокъ!—какая плохая вещь злоупотребленіе словомъ! Вотъ фраза

которая, вслѣдствіе постояннаго повторенія, потеряла всякое значеніе! а когда ее употребляешь вполнѣ серіозно, то рискуешь что тебѣ не повѣрятъ. Но, какъ бы то ни было, какъ говоритъ вашъ мужъ,—я начинаю съ начала.

Начну съ того что скажу вамъ что всѣ мы въ большомъ восторгѣ отъ счастливаго начала вашихъ странствованій, и что мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстій о вашемъ дебютѣ. Мы отсюда видимъ какъ летятъ цвѣты и слышимъ возгласы браво. Увы!... вы знаете что должно означать это увы!

Итакъ, вы въ глубинѣ Германіи! Надо думать что эти бравые „бюргеры“ сумѣютъ заслужить свое счастье. Вы теперь въ Дрезденѣ... Не вчера ли мы еще были въ Куртавенелѣ? Время всегда быстро *проходитъ*, бываетъ ли оно пусто или полно, но *приходитъ* оно медленно... какъ звуки колокольчика русской тройки.

Вы, вѣроятно, пробѣгали Дидро. Надо прочитать его парадоксы, что-

бы позабавиться ими, опровергнуть и позабыть ихъ. Онъ укрѣпляетъ—за свой счетъ—въ умѣ читателя чувство правды и красоты. Вашъ умъ, столь прямой, столь *простой* и столь серіозный въ своей тонкости и своей прелести, не могъ особенно наслаждаться капризною, блестящею и дилеттантскою болтовней „французскаго Платона“ (никогда не было дано человѣку б›лѣе неудачнаго прозвища). Тѣмъ не менѣе, у него то тамъ, то сямъ находишь новыя и смѣлыя мысли, или, вѣрнѣе, нѣкоторые зародыши плодотворныхъ мыслей. Его преданность свободѣ разума, его энциклопедія,— вотъ что заставитъ его жить. Сердце у него превосходное, но когда онъ заставляетъ его говорить, онъ набиваетъ его умомъ и портитъ его. Положительно, фейерверки парадокса никогда не будутъ стоить *яснаго солнца* истины. А между тѣмъ что можетъ быть обыденнѣе солнца? (не въ Парижѣ, напримѣръ). Да здрав-

ствуетъ солнце! Да здравствуетъ все что̀ хорошо для всѣхъ!

Итакъ, Мендельсонъ умеръ. То что̀ вы о немъ говорили въ вашемъ письмѣ къ вашей матушкѣ, намъ всѣмъ кажется очень справедливымъ. Я почти не знаю его; судя по тому что̀ я о немъ слышалъ, я вполнѣ готовъ уважать его,—очень же любить его .. это дѣло другое. Прекрасныя вещи создаются только талантомъ въ соединенiи съ инстинктомъ, головою и сердцемъ; смѣю думать что у Мендельсона голова преобладаетъ. Я могу ошибаться... но, впрочемъ, вы знаете что я вовсе не держусь упорно своихъ заблужденiй, когда меня ткнутъ въ нихъ носомъ,— что̀ ничуть не трудно, принимая во вниманiе размѣры этого органа. Я поддаюсь воспитанiю.

Кстати, какъ идетъ *die deutsche Sprache*? Полагаю что превосходно. Я уже взялъ учителя испанскаго языка: el senor Castelar. Все это время я много работалъ; я только что отправилъ толстый пакетъ въ нашъ жур-

налъ. * Это потому что я *держусь* правила *сдерживать* свои обѣщанія.

Въ настоящее время я кончаю читать книгу Даумера о тайнахъ христіанства. Этотъ Даумеръ какой-то безумецъ, который во что бы то ни стало хочетъ доказать что начальное іудейское христіанство на которое смотрятъ, какъ на секту, не что иное какъ поклоненіе возобновленному Молоху; что первобытные христіане приносили въ жертву и *ѣли* людей, и что Іуда только потому предалъ своего Господа что не могъ побороть отвращеніе, вызываемое въ немъ такою пищей. Даумеръ тратитъ много эрудиціи чтобъ доказать что этотъ ужасный обычай существовалъ въ Церкви до четырнадцатаго столѣтія! Все это бредни....

Вы не можете себѣ представить тяжелаго впечатлѣнія, производимаго всѣми этими преданіями о мученикахъ, которыя онъ вамъ разка-

* По всей вѣроятности, разказъ *Жидъ*, появившійся въ ноябрьской книжкѣ 1847 года въ *Современникѣ*. (Прим. переводч.).

зываетъ одни за другими; всѣми этими бичеваніями, процессіями, поклоненіями костямъ, этими аутодафе, ожесточеннымъ презрѣніемъ къ жизни, этимъ отвращеніемъ къ женщинамъ, всѣми этими язвами и всею этою кровью! .. Это такъ тяжело что я не хочу вамъ болѣе объ этомъ говорить...

Въ моемъ слѣдующемъ письмѣ я сообщу вамъ извѣстія о Національной Оперѣ, о *Клеопатрѣ* гжи Жирарденъ (которая, къ великому моему сожалѣнію, имѣла успѣхъ) и т. д. и т. д. Тѣмъ не менѣе уже и сегодня могу сообщить вамъ что я присутствовалъ вчера въ театрѣ *Variétés* на первомъ представленіи новой піесы Скриба *Дидье, честный человѣкъ*. Мысль не новая, но ловко проведенная... Фервиль былъ восхитителенъ по правдѣ, благородству и чувству. Между прочимъ оказывается что совершенно тожественная піеса давалась вчера вечеромъ въ театрѣ Gymnase, подъ названіемъ *Каменщикъ Жеромъ*. Роль Фервиля въ ней исполнялъ

Буффе. Ужь не знаю какъ это случилось что выборъ оказался тотъ же, но фактъ тотъ что театръ Gymnase не давалъ представленія третьяго дня и цѣлыя сутки репетировалъ, желая поспѣть съ новою піесой въ одинъ день съ тѣмъ театромъ. Я отправлюсь посмотрѣть этого *Жерома* и подѣлюсь съ вами моими впечатлѣніями.—Буффе, безъ сомнѣнія, болѣе Мендельсонъ чѣмъ Фервиль,—но Фервиль, можетъ-быть, болѣе Россини чѣмъ онъ. Впрочемъ, посмотримъ, и если я сказалъ глупость, то первый громко закричу *mea culpa*.

А затѣмъ, молю Бога да хранитъ Онъ васъ. Главное, будьте здоровы и не забывайте вашихъ друзей, которые вамъ очень преданы, что̀ нисколько не удивительно, потому что къ чему, право, годилось бы отсутствіе, еслибъ даже нельзя было имъ пользоваться для того чтобы говорить людямъ что̀ о нихъ думаешь?.. Но я останавливаюсь при мысли что у васъ сейчасъ должно неустанно шумѣть въ ушахъ отъ всякихъ компли-

ментовъ, и ограничиваюсь тѣмъ, что говорю вамъ... словомъ, все что вы хотите...

Надѣюсь что мужъ вашъ здоровъ, что онъ будетъ охотиться до крайности и затѣмъ напишетъ намъ по этому поводу хорошенькую статейку. Жму его руку такъ же, какъ и вашу, и отъ всего сердца цѣлую маленькую Луизу... Если гжа Шуманъ помнитъ толстаго русскаго господина, видѣннаго ею въ Берлинѣ, то скажите ей, что этотъ толстый господинъ ей кланяется...

....

Однако, надо кончать письмо! Я отнесу его къ вашей матушкѣ, чтобъ она приписала нѣсколько словъ.

Прощайте, будьте всячески здоровы, вотъ и все.

Всецѣло преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

III.

Парижъ, [illegible] декабря 1847.

Начинаю съ принесенія вамъ благодарности за доброе и милое письмо, переданное мнѣ вашею матушкой. Вы хорошо дѣлаете что помните вашихъ старыхъ друзей; они вамъ такъ за это признательны! *Danke, danke.*

Всѣ подробности, которыя вы намъ сообщаете о вашей жизни въ Дрезденѣ, тысячи разъ читаются и перечитываются; Дрезденцы положительно народъ хорошій...

. . . . . .

Прежде всего я долженъ вамъ сообщить, что „maman“ * совершенно здорова и мадемуазель Антонія **

---

* Гжа Гарсіа, мать гжи Віардо.

** Пѣвица, кажется, ученица г. Мануэля Гарсіа, брата гжи Віардо.

также, и гжа Sitchès также; папа Ситчесъ немножко кашляетъ, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Изъ 900.000 жителей Парижа, у 899.999 человѣкъ гриппъ, и единственный человѣкъ его не имѣющій, это — Луи-Филиппъ, потому что этотъ господинъ обладаетъ всѣми благами. Впрочемъ, виноватъ! я позабылъ себя; у меня также нѣтъ гриппа; но дѣло въ томъ что и мнѣ также на свою судьбу жаловаться нечего.

El hermano de Vd (?) точно также хорошо поживаетъ; онъ великолѣпно переплелъ одинъ экземпляръ своей методы, который предназначаетъ королевѣ Христинѣ, дабы она учила свою дочь искусству дѣлать фіоритуры и транспозиціи.

Кстати о музыкѣ. Я слышалъ гжу Альбони въ *Семирамидѣ*. Она имѣла *очень большой* успѣхъ. Ея голосъ совершенно измѣнилъ свой характеръ со временъ Петербурга; изъ грубой пѣвицы она сдѣлалась мягкою, *слишкомъ* мягкою; теперь она поетъ

à la Роза Шери; она хорошо выполняетъ рулады; въ тембрѣ ея голоса много нѣжности и впрадчивости, но въ немъ нѣтъ энергіи, нѣтъ ничего захватывающаго. Какъ актриса, она ничтожна; ея безмятежное жирное лицо противится всякому драматическому выраженію; она ограничивается тѣмъ, что время отъ времени съ трудомъ морщитъ бровп. Лучше всего она спѣла: *In si barbara sciagura.* Парижане отъ нея въ восторгѣ. Гжа Гризи, движимая соревнованіемъ, превзошла самое себя; она доставила мнѣ истинное удовольствіе. Колетти точно также былъ недуренъ, хотя въ общемъ я нахожу, что онъ поетъ какъ отецъ семейства.

Вчера я отправился съ молодымъ Ле-Руа д'Этіоль * въ Комическую Оперу; тамъ давали *Бѣлую Даму.* Что за красивая, изящная, вдохновенная, рыцарская музыка! Можетъ-быть, эта музыка менѣе блестяща, но она еще болѣе французская чѣмъ

* Сынъ знаменитаго въ то время врача.

музыка Обера; Буальдьё иногда блѣденъ, но никогда не вульгаренъ (что случается, даже слишкомъ часто, съ папа' *Фенеллы*)...

Верне доставилъ мнѣ большое наслажденіе въ старой піесѣ *Отецъ дебютантки.* Всѣ французскіе актеры преимущественно реалисты, но никто изъ нихъ ни такъ тонко, ни такъ, по выраженію одного Нѣмца „bravontement" реаленъ, какъ Верне. Онъ одновременно удовлетворяетъ и инстинктъ, и умъ зрителя; онъ восхищаетъ знатока, онъ заставляетъ и смѣяться, и улыбаться. Какъ жаль, что онъ старѣетъ! Вотъ человѣкъ который умѣетъ создавать.— Есть артисты, которые умѣютъ сбрасывать съ себя свою индивидуальность; но въ представляемомъ лицѣ все-таки проглядываетъ стушевывающійся, слѣдящій за собою актеръ, и эта нѣкотораго рода дѣланность отражается на васъ. Такою вы были еще въ Петербургѣ, но уже тогда вашъ талантъ разбивалъ свои послѣднія оковы (мнѣ вспоминаются те-

перь первыя представленія *Сонамбулы*), а съ тѣхъ поръ?...

. . . . . .

Вы говорите, что принялись читать *Уріэль Акоста* Гуцкова. Не правда ли, этотъ призракъ, это вымученное произведеніе умнаго, безталаннаго человѣка, переполненное различными намеками и политическими, религіозными и философскими предубѣжденіями, вамъ не понравилось? А затѣмъ всѣ эти кричащіе чисто театральные эффекты, можетъ ли быть что-нибудь отвратительнѣе грубости, лишенной простодушія?

Тѣнь Шекспира давитъ плечи всѣхъ драматическихъ писателей, они не могутъ воздержаться отъ подражаній; слишкомъ много эти несчастные читали и слишкомъ мало жили! Только въ Германіи было возможно, чтобы уже пользующійся извѣстностью писатель (г. Мундтъ, мужъ сестры Мюллера) былъ вынужденъ *публиковать въ газетахъ* что онъ ищетъ себѣ жены (это фактъ буквально достовѣрный).

Ничего нельзя читать въ нынѣшнія времена. Глукъ выразился объ одной оперѣ, что она разила музыкой (*puzza musica*). Всѣ создаваемыя нынѣ произведенія разятъ литературой, ремесломъ, условностью. Чтобъ отыскать еще живой и чистый источникъ надо вернуться очень далеко назадъ. Литературный зудъ, болтовня эгоизма, изучающаго самого себя и восхищающагося самимъ собою,—вотъ язва нашего времени: мы точно псы, возвращающіеся на свою блевотину.

Это слова Св. Писанія.....

Изо всѣхъ, которые строчатъ теперь въ Германіи, Feuerbach * единственный *человѣкъ*, единственный характеръ и единственный талантъ.

Вотъ еще прекрасное и, слава Богу, не литературное произведеніе: второй томъ *Революціи* Мишле. Оно исходитъ изъ сердца, въ немъ есть кровь, есть теплота; это человѣкъ изъ народа, который обращается къ

---

* Авторъ *Сути христіанства* и др.

народу, это прекрасный умъ и благородное сердце. Второй томъ несравненно превосходитъ первый. Это совершенная противоположность книги Луи Блана.

Боюсь, однако, что мое письмо становится уже слишкомъ длиннымъ и, несмотря на все удовольствіе болтать передъ вами, я не желаю злоупотреблять вашею снисходительностью. Прибавлю всего лишь нѣсколько словъ. Я веду здѣсь жизнь которая мнѣ чрезвычайно нравится: все утро я работаю; въ два часа я выхожу и иду къ maman, у которой остаюсь съ полчаса, затѣмъ читаю газеты, гуляю; послѣ обѣда я отправляюсь въ театръ и возвращаюсь къ maman; по вечерамъ я иногда видаюсь съ друзьями, особенно съ г. Анненковымъ, милымъ малымъ, обладающимъ столь же тонкимъ умомъ, сколь обширнымъ тѣломъ; а затѣмъ я ложусь спать, и вотъ...

Прощайте, желаю вамъ всего лучшаго въ мірѣ. Напомните обо мнѣ пожалуйста вашему мужу; на днихъ

буду писать ему; надѣюсь что онъ чувствуетъ себя превосходно. Сердечно жму вашу руку и остаюсь навсегда вамъ преданный.

Ив. Тургеневъ.

IV°.

Парижъ, 14 декабря 1847.

Браво, браво, *evviva*! Я не могу начать моего письма иначе. Еще крупная побѣда! Вы совершили въ Дрезденѣ и Гамбургѣ то что̀ сейчасъ только-что совершилъ противъ *Sonder-Bund*: разбивъ оба крыла, вы готовы разсѣять центръ (Берлинъ). А затѣмъ вы, подобно Цезарю, отправитесь на завоеваніе Великобританіи. (Боже! что за эпическій тонъ!) Вы доставили намъ также много удовольствія, разсказавъ намъ о вашемъ путешествіи изъ Берлина въ Гамбургъ. Вообще, что̀ особенно прелестно въ письмахъ которыя вы пишете вашей матушкѣ, такъ это тѣ подробности, которыя вы намъ даете... подробности, да вѣдь это колоритъ, освѣщеніе картины. Не

посылайте намъ простыхъ рисунковъ, сѣренькихъ набросковъ—каждое ваше письмо перечитывается десятки разъ—всегда же два раза подъ рядъ вслухъ. (Обыкновенно я исполняю должность чтеца.) А затѣмъ, проглотивши его цѣликомъ, мы начинаемъ его пощипывать то тамъ, то сямъ; аппетитъ приходитъ за ѣдой, и мы начинаемъ сызнова. Не могу скрыть отъ васъ что въ испанскомъ вы дѣлаете орфографическія ошибки, но это только одна лишняя прелесть...

Кстати, есть еще одна вещь въ вашихъ письмахъ, доставляющая намъ большое удовольствіе: а именно что мы знаемъ что вы здоровы (плюю три раза). Мы также—хотя бы только изъ соревнованія—всѣ чувствуемъ себя превосходно... Что значитъ соревнованіе!

Къ сожалѣнію я вынужденъ заявить, что на сей разъ положительно не могу сообщить вамъ никакой интересной новости.

Всю эту недѣлю я почти не выходилъ изъ дома; я работалъ усиленно;

никогда еще мысли не приходили во мнѣ въ такомъ изобиліи; онѣ являлись цѣлыми дюжинами. Мнѣ представлялось что я бѣдный, ничтожный содержатель гостиницы въ маленькомъ городкѣ, котораго застигаетъ врасплохъ настоящая лавина посѣтителей; онъ кончаетъ тѣмъ что теряетъ голову и совсѣмъ уже не знаетъ куда размѣщать ему своихъ постояльцевъ.

Третьяго дня я прочелъ одну изъ только-что оконченныхъ мною вещей двумъ моимъ русскимъ пріятелямъ; они хохотали до упада... Это произвело на меня весьма странное и очень пріятное впечатлѣніе... Положительно я не подозрѣвалъ въ себѣ такой способности смѣшить—и затѣмъ не достаточно окончить вещь, надо еще ее переписать (вотъ мука-то!) и отправить. Издатели моего журнала навѣрно вытаращатъ глаза, получивъ одинъ за другимъ объемистые пакеты! Надѣюсь что они будутъ этимъ довольны. Я смиренно молю моего добраго ангела (говоритъ,

всѣ имѣютъ добраго ангела) продолжать быть ко мнѣ благосклоннымъ, а самъ со своей стороны буду продолжать усердно работать. Работа превосходная вещь.

Послушайте, если послѣ полученія этого письма вамъ еще разъ придется пѣть въ *Цирюльникѣ*, то вставьте арію Бальфа .. (я готовъ дать себя повѣсить, если публика не переломаетъ стульевъ). Я знаю Гамбургцевъ (Ich kenne meine Pappenheimer), имъ нужно что-нибудь пряное.

Дня два, три у насъ здѣсь стоитъ чудесная погода. Передъ обѣдомъ я совершаю большія прогулки по Тюльери. Я смотрю тамъ какъ играетъ толпа дѣтей, прелестныхъ какъ амуры и такъ кокетливо одѣтыхъ! Ихъ дѣтски-важная привѣтливость, ихъ розовыя щечки, пощипываемыя первыми зимними холодами, спокойный и добрый видъ нянекъ, чудное красное солнце изъ-за высокихъ каштановъ, статуи, дремлющія воды, величественный темно-сѣрый цвѣтъ Тюльери, все это мнѣ безконечно

нравится, успокоиваетъ и освѣжаетъ меня послѣ утренней работы. Я мечтаю тамъ—не смутно по-нѣмецки—о томъ что̀ я дѣлаю, что̀ буду дѣлать... Я никогда не пропускаю (то-есть въ тѣ три или четыре раза когда я тамъ былъ) пойти провѣдать льва Бари, который находится у самаго входа въ Тюльери, со стороны рѣки,—это моя любимая группа. Вечеромъ я отправляюсь къ *bonne maman:* на дняхъ пять-шесть часовъ мы провели тамъ съ Мануэлемъ * дѣлая тысячи всякихъ глупостей. Это напомнило намъ Куртавенель, Маскариль, Жоделе и т. д. и т. д. Вы не одни вспоминаете объ этомъ... Помните тотъ день когда мы глядѣли на ясное небо сквозь золотую листву осинъ?.. Ахъ! но я никогда не кончу, если начну говорить обо всемъ этомъ.

Боже мой, какъ прекрасна осень!.. Не тогда когда грязно и скользко

---

* Мануэль Гарсіа, братъ гжи Віардо, пользующійся славой, подобно всему семейству Гарсіа, артистъ, изобрѣтатель ларингоскопа.

(ваши „pflia pflia“ сущая правда), а когда небо совсѣмъ прозрачно и спокойно. Есть что-то напоминающее Лудовика XIV подъ старость въ хорошемъ осеннемъ днѣ... Вы станете смѣяться моему сравненію. Ну что же, тѣмъ лучше! Даже хохочите, хохочите такъ чтобы были видны всѣ ваши зубки. Вы знаете что вамъ говоритъ вашъ старый господинъ изъ Мекленбурга по пути изъ Берлина въ Гамбургъ!

Я обѣщалъ отнести мое письмо вашей матушкѣ.... Надо ей оставить мѣсто. Мнѣ слѣдовало бы объ этомъ подумать раньше и немного сжать строчки. Вы имѣете право назвать меня болтливымъ.

На дняхъ буду писать вашему мужу. Второй томъ Мишле шедевръ. Луи Бланъ становится смѣшнымъ своею ссорой съ Эженомъ Пелле-танъ.

Дружески кланяюсь великому охотнику. Да хранитъ васъ всѣхъ Господь. Желаю вамъ всевозможнаго

счастія; крѣпко жму вашу руку, поздравляю васъ и остаюсь:

Преданный вамъ другъ

Ив. Тургеневъ.

P. S.—Не заставъ вашу матушку дома, я запечатываю письмо изъ опасенія чтобъ оно не опоздало. Я пишу это въ лавкѣ бакалейщика и запечатаю письмо его сургучомъ и его гербовою печатью.

1[illegible] декабря 1[illegible].

. . . . . .

Ваша матушка (которая здравствуетъ такъ же какъ и мы всѣ) разказывала мнѣ ваше послѣднее письмо изъ Гамбурга. Ахъ, не довѣряйтесь хорошему декабрьскому дню, онъ очень коваренъ, „вдоль рѣки“ очень сыро. Надѣюсь что боль вашего горла прошла очень быстро и что *Гугеноты* имѣли такой же успѣхъ какъ и *Цирюльникъ*. Впрочемъ, я не думаю чтобы вы особенно веселились въ Гамбургѣ. Тамъ только и видишь что купцовъ, которые постоянно говорятъ о желѣзныхъ дорогахъ, акціяхъ, займахъ и другихъ весьма производительныхъ и весьма глупыхъ вещахъ. Я убѣжденъ что въ глубинѣ

души вы испытываете тайную досаду на то что вы должны забавлять подобныхъ людей, потому что вы только и дѣлаете что забавляете ихъ. Они неспособны чувствовать чего-либо иного, слушая васъ; всю свою серіозность они приберегаютъ на повышеніе и пониженіе. Тѣмъ не менѣе они васъ привѣтствуютъ, кричатъ, рукоплещутъ вамъ. Они исполняютъ свой долгъ—и ихъ не благодарятъ...

То что вы мнѣ говорите о впечатлѣніи произведенномъ на васъ *Іосифомъ* Мегюля заставляетъ меня глубоко сожалѣть что невозможно послушать его здѣсь; въ этомъ большомъ чертовскомъ Парижѣ даютъ только большія чертовскія оперы, какъ *Jérusalem*.

Въ ту минуту какъ я пишу вамъ эти строки, кучка странствующихъ музыкантовъ принимается пѣть *Mourir pour la patrie* Госсека... Боже, какъ это прекрасно! У меня слезы выступили на глаза. Да, положительно, старые музыканты лучше теперешнихъ. Какая серіозная энергія!

какая убѣжденность! какая величественная простота! Когда въ 93 году сотни голосовъ пѣли этотъ гимнъ, онъ долженъ былъ заставлять биться много сердецъ.

Вообще съ нѣкоторыхъ поръ я все болѣе и болѣе отвращаюсь отъ настоящаго времени; правда что оно представляетъ мало привлекательнаго! Я всѣмъ существомъ ухожу въ прошедшее. Сейчасъ я съ остервенѣніемъ читаю Кальдерона (само собой разумѣется на испанскомъ языкѣ); это величайшій католическій драматическій поэтъ, который когда-либо существовалъ, подобно тому какъ Шекспиръ самый человѣчный, самый анти-христіанскій поэтъ. Его *Devotion de la Cruz*—шедевръ. Это непоколебимая побѣдоносная вѣра, безъ всякой тѣни какого-либо сомнѣнія или даже размышленія, подавляетъ васъ своею мощью и своимъ величіемъ, не взирая на все что̀ есть отталкивающаго и жестокаго въ этомъ ученіи. Это отрицаніе всего что̀ составляетъ достоинство человѣка

передъ божественною волею, равнодушіе ко всему что̀ мы называемъ добродѣтелью или порокомъ, посредствомъ чего *благодать* снисходитъ на своего избранника, является еще новою побѣдой для человѣческаго разума, потому что существо, столь отважно провозглашающее о своемъ собственномъ ничтожествѣ, тѣмъ самымъ возвышается наравнѣ съ этимъ фантастическимъ божествомъ, игралищемъ котораго онъ признаетъ себя. А это божество—это еще созданіе его рукъ. Тѣмъ не менѣе я предпочитаю Прометея, предпочитаю сатану, типъ возмущенія и индивидуальности. Какой я ни-на-есть атомъ, я самъ себѣ владыка; я хочу истины, а не спасенія; я чаю его отъ своего ума, а не отъ благодати.

Несмотря, однако, ни на что̀, Кальдеронъ геній въ высшей степени удивительный, и особенно геній мощный. Мы, слабые потомки могучихъ предковъ, мы достигаемъ, самое большее, того что мы граціозны въ нашей слабости... Я думаю о *Капризъ*

Мюссе (который продолжаетъ производить здѣсь фуроръ). Но я думаю также и о томъ что я продолжаю не имѣть никакихъ новостей для сообщенія вамъ; а между тѣмъ произошли вещи довольно интересныя. Мишле открылъ свои курсы, гжа Альбони пѣла вчера *Ченеренmоллу* (я буду слушать ее сегодня, въ воскресенье); очень много говорятъ объ электрической или магнетической дѣвушкѣ, которая во время сна, слушая музыку, дѣлаетъ жесты ей (музыкѣ) соотвѣтствующіе и т. д. и т. д.

Но что дѣлать, я превращаюсь въ медвѣдя; я почти не выхожу изъ дома,—работаю съ невѣроятнымъ рвеніемъ... надѣюсь что это не будетъ потеряннымъ временемъ. Тѣмъ не менѣе, я намѣренъ немножко встряхнуться и побѣгать по Парижу, надобно же имѣть о немъ понятіе.

Я получилъ письмо отъ моихъ издателей, они пишутъ мнѣ всякія любезности по поводу моей дѣятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ они мнѣ прислали послѣдній нумеръ нашего жур-

нала; я нашелъ въ немъ чудесный разказъ нѣкоего г. Григоровича....

Завтра буду писать вашему мужу, которому прошу васъ передать мой дружескій поклонъ. Я еще не исполнилъ порученія Луизы—и не безъ причины, что̀ не мѣшаетъ мнѣ расцѣловать ее въ обѣ щечки. По отношенію къ вамъ, вы знаете мой обычный припѣвъ: желаю вамъ всего хорошаго, прекраснаго, великаго и благороднаго въ мірѣ... впрочемъ, это значитъ желать вамъ того чѣмъ вы уже обладаете. Берегите себя хорошенько, будьте счастливы, веселы и довольны, вы сами и всѣ ваши.

Вы не пробудете въ Гамбургѣ дольше четырехъ, пяти дней, не правда ли? Можетъ-быть мое слѣдующее письмо еще васъ тамъ застанетъ.

*Que Dios bendiga a Ud, leben sie recht, recht wohl; boudtě zdorovy i pomnitě nass.**

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

---

* Всѣ эти три фразы, означающія одно и то же, такъ и написаны по-испански, по-нѣмецки и по-русски, только въ послѣднемъ случаѣ не русскими буквами, а латинскими.

№ II.

Парижъ, 25 декабря 1847 г.

Мы всѣ, признаюсь вамъ, немного тревожились не получая отъ васъ извѣстій (правда, вы насъ избалова-ли), когда ваше письмо отъ 21го, со всѣми его милыми подробностями, преисполнило насъ радостью. Я исполнялъ, по обыкновенію, должность чтеца и могу васъ увѣрить что никогда мои глаза не чувствуютъ себя такъ хорошо какъ въ то время когда имъ приходится дешифрировать ваши письма, тѣмъ болѣе что для знаменитости вы пишете вполнѣ хорошо. Впрочемъ, вашъ почеркъ разнообразенъ до безконечности; порою это почеркъ красивый, тонкій, бисерный— настоящая бѣгающая рысцой мышка; то онъ идетъ смѣло, свободно, дѣлая

большіе скачки, а часто случается, что онъ стремится съ чрезвычайною быстротой, съ крайнимъ нетерпѣніемъ, ну, и ужь тогда, по чести, буквамъ приходится устраиваться какъ знаютъ.

Вы очень хорошо дѣлаете что опи, сываете намъ ваши костюмы; мы-реалисты, стоимъ за колоритъ. А затѣмъ... затѣмъ, все что̀ вы дѣлаете, сдѣлано хорошо. Ваши успѣхи въ Гамбургѣ доставляютъ намъ безконечную радость; браво, браво! Не правда ли, это очень мило что мы васъ ободряемъ?

Благодарю васъ отъ всего сердца за добрый сердечный совѣтъ, который вы мнѣ даете въ вашемъ письмѣ къ гжѣ Garcia. То что̀ вы говорите о „quabra dura“, которая всегда замѣчается въ прерванномъ произведеніи, вполнѣ справедливо—„*das sind goldne Worte*“. Я также, съ тѣхъ поръ какъ нахожусь въ Парижѣ, никогда не работалъ болѣе какъ надъ однимъ произведеніемъ и многія благополучно довелъ до пристани, по край-

ней мѣрѣ надѣюсь на это. Не проходило недѣли чтобъ я не отсылалъ толстаго пакета моимъ издателямъ.

Послѣ моего послѣдняго письма къ вамъ, я прочелъ еще одну драму Кальдерона, *La vida es sueño.* * Это одинъ изъ самыхъ грандіозныхъ драматическихъ замысловъ какіе я знаю. Въ этой драмѣ царствуетъ какая-то дикая энергія, мрачное и глубокое презрѣніе къ жизни, удивительная смѣлость мысли, рядомъ съ самымъ непреклоннымъ католическимъ фанатизмомъ. Сигизмундъ Кальдерона (главное дѣйствующее лицо), это— испанскій Гамлетъ со всѣмъ различіемъ какое существуетъ между сѣверомъ и югомъ. Гамлетъ болѣе разсудителенъ, болѣе тонокъ, болѣе философъ; характеръ Сигизмунда проще, обнаженъ и проникаетъ въ душу какъ шпага; одинъ бездѣйствуетъ вслѣдствіе нерѣшительности, сомнѣнія и размышленія; другой же дѣйствуетъ — потому что къ этому его

* *Жизнь есть сновидѣніе.*

побуждаетъ его южная кровь,—но дѣйствуя, онъ вполнѣ сознаетъ что жизнь не болѣе какъ сновидѣніе.

Теперь я приступилъ къ чтенію испанскаго *Фауста, el Magico prodigioso*;* я совсѣмъ окальдеронизованъ. Читая эти прекрасныя пропзведенія, чувствуешь что они выросли естественно на плодоносной и могучей почвѣ; ихъ вкусъ, ихъ благоуханіе просты; литературные подонки здѣсь не даютъ себя чувствовать. Драма въ Испаніи была послѣднимъ и прекраснѣйшимъ выраженіемъ напвнаго католицизма и того общества которое онъ создалъ по своему образу. Между тѣмъ какъ, въ то критическое и переходное время которое мы переживаемъ, всѣ художественныя или литературныя произведенія, самое бо́льшее, представляютъ лишь индивидуальныя мнѣнія и чувства, лишь смутныя и противорѣчивыя размышленія, лишь экклектизмъ ихъ авторовъ, жизнь стала раздробленнѣе; теперь уже нѣтъ крупнаго общаго движенія, за исклю-

* *Чудесный Волшебникъ*.

ченіемъ, можетъ-быть, промышленности, которая, съ точки зрѣнія прогрессивнаго покоренія элементовъ природы человѣческому генію, можетъ-быть, сдѣлается освободительницей, обновительницей человѣческаго рода. А потому, на мой взглядъ, величайшіе современные поэты—Американцы, которые готовятся прорыть Панамскій перешеекъ и толкуютъ объ устройствѣ электрическаго телеграфа черезъ Океанъ. А разъ соціальная революція совершится—да здравствуетъ новая литература!...

Бо́льшая часть этихъ размышленій пришла мнѣ въ голову въ тотъ вечеръ когда я присутствовалъ на представленіи обозрѣнія 1847 года *le Banc d'huîtres* въ Пале-Роялѣ. Было забавно, и я смѣялся... Но, Боже мой! какъ это было слабо, блѣдно, робко и скудно рядомъ съ тѣмъ что̀ изъ того же могъ бы сдѣлать—я не говорю, Аристофанъ,—но хоть кто-нибудь изъ его школы! Комедію фантастическую, необычайную, насмѣшливую и трогательную, без-

жалостную ко всему слабому и плохому въ обществѣ и въ самомъ человѣкѣ, и заканчивающуюся смѣхомъ надъ своею собственною нищетой, подымающуюся до возвышеннаго чтобъ и надъ этимъ посмѣяться, списходящую до глупости чтобъ и ее прославить и бросить въ лицо нашей спѣси... Дорого бы дали чтобы присутствовать при такой комедіи! Но нѣтъ, мы обречены Скрибу навѣки.

Я не теряю надежды прочитать вамъ *Птицъ* или *Лягушекъ* Аристофана, отбросивъ все что̀ тамъ ужь черезчуръ цинично.

. . . . . .

Итакъ, вы въ Берлинѣ; ваши двѣ первыя кампаніи закончены, и вы теперь находитесь среди ужь завоеваннаго народа.

Вы будете дебютировать черезъ недѣлю. Я знаю кого-то кто примется за изученіе берлинскихъ газетъ. Во франкфуртской *Didaskalia* есть восторженная о васъ статья, съ Гамбургскою датой. Кстати, *Illu-*

stration объявлять о вашемъ ангажементѣ въ *Grand-Opéra* на будущую зиму. Изъ Петербурга пишутъ что италіянскій театръ тамъ въ агоніи. Въ одномъ изъ моихъ писемъ вашему мужу я уже говорилъ о *Cenerentola* и гжѣ Альбони.

Надѣюсь что вы будете отлично чувствовать себя всѣ, мужъ, жена и ребенокъ, какъ ангелы, или какъ мы, потому что мы чувствуемъ себя отлично, совсѣмъ отлично.

Прощайте. Рискуя надоѣсть вамъ повтореніемъ одного и того же, желаю вамъ всего что̀ есть самаго лучшаго, самаго великаго и самаго прекраснаго на землѣ; вы знаете какъ искренни мои пожеланія... Будьте здоровы, будьте счастливы.

Всецѣло преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S.—Que Dios bendiga V^{d}.

VII.

Парижъ, 11 января 1848 г.

Только что получилъ письмо которое вы мнѣ прислали въ конвертѣ къ гжѣ Гарсіа. Благодарю вашего мужа за добрую память. Что же до того что онъ говоритъ о положеніи Франціи, то я ничего лучшаго не желаю какъ быть не правымъ и какъ можно скорѣе получить опроверженіе.

Мои мелкіе разказы (которые, впрочемъ, написаны въ жанрѣ діаметрально-противоположномъ разказамъ Флоріана) не достойны чести быть переведенными; но предложеніе, дѣлаемое мнѣ *el senor Louis*, слишкомъ лестно чтобъ я не согласился на него теперь же, въ видахъ воспользоваться имъ позднѣе, когда, наконецъ, напишу что-нибудь хорошее, если Апол-

лонъ захочетъ чтобъ это счастье для меня наступило.* Въ то же время я желаю великому охотнику... стой! я ничего ему не желаю. Если онъ, по существу разсудительный человѣкъ, не далъ себѣ заразиться суевѣріями моей милой родины, то я не даромъ Русскій и не желаю портить ему удовольствія.

Статьи о *Нормѣ* заставили меня испытать то что̀ Нѣмцы называютъ *Wehmuth*. Сравнивая васъ съ вами самою, какою вы были годъ тому назадъ, господа критики, повидимому, замѣчаютъ перемѣну, развитіе въ томъ, какъ вы исполняете эту роль. А я— *ay de mi* —я не могу понять что̀ они хотятъ сказать. Я не видалъ васъ въ *Нормѣ* съ Петербурга. *Diese Entwickelungstufe ist mir entgangen.* Я готовъ кричать: караулъ! какъ Мас-

* Луи Віардо дѣйствительно перевелъ, въ сотрудничествѣ съ авторомъ, нѣсколько разказовъ Тургенева, а именно *Записки охотника* и затѣмъ еще другіе, подъ заглавіемъ *Сцены изъ русской жизни* и т. д.

кариль. Въ сущности я не огорченъ: Рельштабъ и Коссакъ, оба говорятъ „*ein einer milderen Darstellung*“, я хорошо знаю что это не есть *milde* á la Линдъ; напротивъ, я убѣжденъ что это должно быть очень прекрасно, очень правдиво, очень захватывающе. Да, велпкія страданія не сламливаютъ великія души, они дѣлаютъ ихъ болѣе спокойными, болѣе простыми, они смягчаютъ ихъ, нисколько не заставляя ихъ лишаться своего достоинства. „Такъ тяжкій млатъ,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ,—дробя стекло, куетъ булатъ“, булатъ болѣе гибкій и болѣе тонкій чѣмъ желѣзо. Тѣ кто прошли черезъ это, тѣ которые *умѣли* страдать (я чуть было не сказалъ тѣ которые имѣли это счастье, потому что страданіе это—счастье, котораго, напримѣръ, эгоистъ или человѣкъ низкій не вѣдаютъ), навсегда сохраняютъ на себѣ отпечатокъ страданія, ихъ облагораживающій, если они умѣютъ устоять.

Боже! какъ я былъ бы доволенъ при-

сутствовать на представленіи *Нормы*! Эта женщина съ такимъ высокимъ, простодушнымъ, прямымъ и правдивымъ сердцемъ, въ борьбѣ со своею любовью и своимъ рокомъ, эти великія и простыя движенія страстей въ первобытной душѣ, это жестокое и нѣжное смѣшеніе всего что̀ есть самаго дорогаго въ жизни и въ смерти, этотъ изступленный взрывъ при концѣ, этотъ столь сильный и столь гордый духъ, который въ минуту наступленія смерти, наконецъ, всецѣло предается самой горячей нѣжности, восторгу самопожертвованія,— не будемъ больше объ этомъ говорить. Я буду стараться *возсоздать* васъ въ *Нормѣ* согласно тому понятію которое я имѣю о вашемъ талантѣ, согласно моему воспоминанію... Правда, я уже теперь не такъ опытенъ въ этомъ по преимуществу нѣмецкомъ упражненіи... все же попробую.

Вы мнѣ говорите также о *Ромео*, о третьемъ актѣ; вы настолько добры что спрашиваете моихъ замѣча-

ній относительно Ромео. Что могъ бы я вамъ сказать, чего бы вы не знали и не чувствовали заранѣе? Чѣмъ больше я размышляю о сценѣ третьяго акта, тѣмъ больше мнѣ кажется что есть только одинъ способъ передать ее—это вашъ. Нельзя вообразить себѣ ничего ужаснѣе того какъ находиться передъ трупомъ всего что любишь; но охватывающее васъ тогда отчаяніе должно быть столь ужасно, что, если оно не сдержано или не *охлаждено* твердою рѣшимостью покончить съ собою или какимъ-либо инымъ *сильнымъ* чувствомъ, искусство не въ состояніи передать его. Прерывистые крики, рыданія, обмороки, это —природа, это не искусство. Самъ зритель не будетъ тронутъ этимъ глубокимъ и захватывающимъ волненіемъ которое заставляетъ васъ съ наслажденіемъ проливать слезы, порою весьма горькія. Между тѣмъ какъ вашимъ изображеніемъ Ромео (судя по тому что вы мнѣ пишите) вы произведете на вашихъ слушателей впечатлѣніе

неизгладимое. Я помню тонкое и справедливое замѣчаніе которое вы однажды сдѣлали о маленькихъ взволнованныхъ и сдержанныхъ движеніяхъ который дѣлаетъ Рашель, продолжая сохранять спокойный и величественный видъ; можетъ-быть, у нея это только умѣнье; но въ общемъ это—спокойствіе, *проистекающее изъ сильнаго убѣжденія или глубокаго чувства*, спокойствіе, такъ-сказать, со всѣхъ сторонъ охватывающее отчаянные порывы страсти, сообщающее имъ эту чистоту очертаній, эту идеальную и дѣйствительную красоту, истинную, единственную красоту искусства. А что̀ доказываетъ справедливость этого замѣчанія, такъ это то что сама жизнь,—правда въ рѣдкія мгновенія, въ тѣ мгновенія когда она освобождается ото всего случайнаго и обыденнаго, — возвышается до подобной же красоты. Самая высшая скорбь, говорите вы въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, выражается всего тише; а самая тихая и есть самая прекрасная, можно

бы прибавить. Но слѣдуетъ умѣть соединить обѣ крайности, иначе покажешься холоднымъ. Легче не посягать на совершенство, легче остановиться на полудорогѣ, тѣмъ болѣе что зрители въ большинствѣ ничего другаго не требуютъ, или, вѣрнѣе, ни къ чему иному не пріучены; но вы то, вы—олицетвореніе благороднаго стремленія къ высокому, и, вѣрьте мнѣ, — *ist der Punkt getroffen*, — всѣ сердца, даже самыя заурядныя, бьются и рвутся. Въ Петербургѣ надо было быть самому немного артистомъ чтобы почувствовать все что̀ было велико-лѣпнаго въ вашихъ намѣреніяхъ; съ тѣхъ поръ вы выросли; вы сдѣлались понятною для всѣхъ, не переставая, тѣмъ не менѣе, имѣть многое предназначенное для однихъ избранныхъ.

Я пишу вамъ все это еще совсѣмъ сгоряча; вы будете столь добры что со свойственною вамъ тонкою прозорливостью дополните все неполное и неточное въ моихъ выраже-

ніяхъ. У меня нѣтъ времени заниматься стилемъ, да нѣтъ къ тому и охоты. Я хочу только сказать то что думаю.

Я долженъ кончать письмо, а еще ничего не сказалъ вамъ о томъ что дѣлается въ Парижѣ. Я исполню это въ другомъ, ближайшемъ письмѣ, если вы этого желаете.....

Всѣ здоровы. Я былъ вчера у Италіянцевъ; давали *Donna del Lago* Россини. Что за прелестная музыка (не взирая на нѣкоторыя длинноты и нѣкоторыя устарѣлости)! Но какое же и либретто! Гжа Альбони была очень хороша въ *andante* и очень мягка въ *allegro*. Она и гжа Гризи чудесно исполнили маленькій дуэтъ во второмъ актѣ. Маріо хорошо спѣлъ свою арію. Хоры были отвратительны. (Какъ жаль! Хоръ бардовъ великолѣпенъ, насколько можно было о немъ судить). ... .

Будьте здоровы вы всѣ, кого я очень люблю.

Остаюсь всецѣло вамъ преданный

Иванъ Тургеневъ.

VIII.

Парижъ, 17 января 1847 г.

. . . . . .

Ахъ! какая прекрасная вещь длинныя письма! какъ, напримѣръ, то которое вы написали „bonne maman!“ Съ какимъ удовольствіемъ приступаешь къ его чтенію! Какъ - будто лѣтомъ входишь въ длинную, богатую зеленью и прохладой аллею. Ахъ! говоришь себѣ, какъ хорошо здѣсь, и идешь себѣ не спѣша, и слушаешь щебетаніе птичекъ. Вы щебечете несравненно лучше пхъ, продолжайте, пожалуйста; знайте что вы никогда не найдете болѣе внимательныхъ и болѣе жадныхъ читателей. —Вообразите себѣ что ваша матушка, сидя у камина, заставляла меня вслухъ читать ваше письмо, которое она

почти имѣла время выучить наизусть. Вотъ когда было бы хорошо написать ея лицо!...

. .....

Говорилъ ли я вамъ въ моемъ прошломъ письмѣ что я присутствовалъ на консерваторскомъ концертѣ? Исполняли тамъ только одного Мендельсона. *Symphonie en la* мнѣ очень понравилась. Это — изящно, сильно, возвышенно. Исполненіе было *чудовищно* - совершенно; невозможно представить себѣ что-либо изумительнѣе .. ..

Сегодня, во вторникъ, вы, по всей вѣроятности, будете пѣть Ромео, а въ ту минуту какъ я пишу (теперь половина одиннадцатаго), вы должны быть въ порядочной ажитаціи. Самымъ искреннимъ образомъ желаю вамъ успѣха. Мнѣ кажется, онъ будетъ полнымъ. Зачѣмъ я не могу быть сегодня въ Берлинѣ? Ахъ, зачѣмъ! зачѣмъ!

Нѣтъ! положительно съ нѣкоторыхъ поръ я не даю вамъ никакихъ извѣстій о Парижѣ. Правда, я сижу

смирнехонько въ своей норѣ. Посмотримъ, однако.

На дняхъ я былъ въ Зимнемъ Саду, который въ самомъ дѣлѣ восхитительная вещь.—Вообразите себѣ огромное пространство наполненное цвѣтами, деревьями, статуями, и на чрезвычайной высотѣ покрытое стекляннымъ *балдахиномъ*, поддерживаемымъ массой литыхъ, тонкихъ и стройныхъ чугунныхъ колоннъ; въ глубинѣ—великолѣпный фонтанъ. Единственнымъ *drawback*, или единственнымъ испытаннымъ мною неудовольствіемъ былъ запахъ мокраго каменнаго пола, запахъ теплый и слегка тошнотворный. Говорятъ также, будто дождикъ проникаетъ сюда слишкомъ легко. Но я воображаю себѣ что красивый балъ въ Зимнемъ Саду долженъ представлять ослѣпительное зрѣлище.

Вашъ мужъ навѣрное говорилъ вамъ о новомъ романѣ гжи Зандъ, который *Journal des Débats* печатаетъ въ своемъ фельетонѣ: *François le Champi*. Онъ написанъ превосходно: просто, правдиво, захватываю-

ще. Можетъ быть, она вставляетъ въ него чрезмѣрно много крестьянскихъ выраженій; это порой придаетъ ея разказу какую-то натянутость. Искусство не есть дагерротипъ, и такая великая писательница, какъ гжа Зандъ, могла бы обойтись безъ этихъ капризовъ художника съ нѣсколько притупленнымъ вкусомъ. Но ясно видно что ей по горло надоѣли всякіе соціалисты, коммунисты, всякіе Пьеры Леру и другіе философы, что она измучена, и что она съ наслажденіемъ погружается въ источникъ молодости искусства простодушнаго и не отвлекающагося отъ земли. Между прочимъ, въ самомъ началѣ предисловія есть описаніе осенняго дня въ нѣсколько строкъ... Это чудесно. У этой женщины есть талантъ передавать самыя тонкія, самыя мимолетныя впечатлѣнія твердо, ясно и понятно; она умѣетъ рисовать даже благоуханія, даже мельчайшіе звуки. Я плохо выражаюсь, но вы меня понимаете. Описаніе, о которомъ я говорю, заставило меня подумать

объ обсаженной тополями дорогѣ, которая вдоль парка ведетъ въ Жарріэль; я снова вижу золотистую листву на свѣтло-голубомъ небѣ, пунцовые плоды шиповника въ изгороди, стадо овецъ, пастуха съ его собаками и множество еще другихъ вещей!...

Парижъ въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ возбужденъ фанатическою и противо-революціонною рѣчью г. де-Монталамбера; старая пэрія съ неистовствомъ рукоплескала ругательствамъ, которыя онъ направлялъ въ Конвентъ. Еще симптомъ—и одинъ изъ важнѣйшихъ—состоянія умовъ.

....

Итакъ, у васъ снѣгъ и сани; у насъ только грязь и дождь. Я отсюда вижу какъ къ вамъ входитъ милый Германъ Мюллеръ-Штрюбингъ * съ вѣткой сирени въ рукахъ. Сдѣлайте же вашей матушкѣ маленькое описаніе вашей квартиры; это очень поможетъ воображенію вашихъ друзей, которое, я вамъ это обѣщаю

* Ученый нѣмецкій натуралистъ.

часто направляетъ свой полетъ въ сторону Берлина.

Ну, а гжа Ланге все еще продолжаетъ вамъ нравиться? Напишите намъ о ней.

А дамы Камінскія?

Я работаю много и довольно плодотворно.

Я уже почти прочелъ всего *Gil Blas* по-испански, перевожу *Manon Lescaut* и вступилъ въ переписку съ другимъ ученикомъ моего учителя, * переписку анонимную, не имѣющую иной цѣли кромѣ нашего усовершенствованія въ изученіи „magnifica lengua castellana“. Но, взгляните, какая удача! Въ одномъ изъ писемъ я немного позабавился (ужъ не помню по поводу чего именно) насчетъ Австрійскаго правительства, а мой корреспондентъ оказался весьма патріотичнымъ вѣнскимъ Евреемъ. Впрочемъ, мой учитель увѣряетъ меня что онъ малый добрый и не принялъ этого въ дурную сторону.

---

* Испанскаго языка.

Въ то же время я работаю надъ одною комедіей, * предназначенною для одного московскаго актера. Вы видите, я времени не теряю

(*N. B.* Вы видите также что я утилизирую поля письма).

А затѣмъ дружески вамъ всѣмъ кланяюсь; на этихъ дняхъ я отвѣчу на любезное письмо senor don Louis.

Будьте здоровы. Преданный вамъ

Иванъ Тургеневъ.

---

* По всей вѣроятности, комедія *Холостякъ*.

IX.

Парижъ, суббота 29 апрѣля 1848 г.

Guten Morgen und tausend Dank, theuerste Madame.

....

... Итакъ, я вамъ скажу что всѣ ти дни погода стоитъ туманная, угрюмая, плачевная и нездоровая, *froidiuscule*, чтобы не сказать холодная—*very gentlemanlike*, то-есть ужасная! Я подожду болѣе благосклоннаго солнца для того чтобъ отправиться въ Фонтенебло; до сихъ поръ у насъ было только *genuine english tun, warranted to produce a gentle and confortable heat.* Однако, это мнѣ не помѣшало вчера пойти на выставку. Повѣрите ли что на этой чертовски большой выставкѣ мнѣ дѣйствительно понравился лишь маленькій

эскизъ Делакруа — *Левъ, пожирающій овцу въ лѣсу*. Рыжій, ощетинившійся левъ великолѣпенъ; онъ расположился очень удобно, ѣстъ съ аппетитомъ, со сладострастіемъ, съ полною безмятежностью; и какая сила въ этомъ грязномъ и тепломъ колоритѣ, гдѣ темныя пятна перемежаются съ яркимъ свѣтомъ, колоритѣ столь свойственномъ Делакруа! Тамъ же выставлены двѣ другія его картины: *Смерть Валентина* (въ *Фаустѣ*) и *Смерть Христа*, двѣ ужасныя мазни—если осмѣлюсь такъ выразиться! Затѣмъ... ничего; печальная выставка для перваго шага республики!

Сегодня вечеромъ я видѣлъ балетъ *Пять Чувствъ*. Это невообразимый вздоръ. Между прочимъ, тамъ есть сцена магнитизма (Гризи магнитизируетъ г. Петипа, чтобы внушить ему чувство *вкуса*), которая представляетъ собою нѣчто колоссальное въ области глупости! Народу было много, и много апплодировали. Гризи, дѣйствительно, очень

хорошо танцовала. Но балетъ, скучная вещь — ноги, ноги и опять все ноги... это монотонно.

Передъ балетомъ давали второй актъ *Лючіи* съ Пултье!!... Парто!!!... и какою-то дѣвицей Раби, или Риба, или Риби или Раба — словомъ, совсѣмъ анонимное имя. Эта анонимная дѣвица испытывала ужасный страхъ, но голосъ ея очень плохъ; она, по правдѣ сказать, безобразна лицомъ, что̀ ей не мѣшаетъ быть старой.....

Воскресенье, [illegible]

Здравствуйте. Quand on met le matin le nez à la fenêtre, * позвольте, вѣдь это стихъ! Ну, такъ какъ онъ явился въ единственномъ числѣ, то надо оказать ему вѣжливость и дать товарища...

---

* Когда утромъ высовываешь носъ въ окно.

— „Peut être on ne voit rien — quelque chose peut-être!“ *

Это чистѣйшій Гюго. Но я хотѣлъ сказать что-то другое, — я хотѣлъ сказать что, когда (ахъ! проклятое перо!) утромъ высовываешь носъ въ окно и вдыхаешь весенній воздухъ, — не можешь подавить въ себѣ желанія быть счастливымъ. Жизнь — это красная искорка въ мрачномъ и нѣмомъ океанѣ Вѣчности, это единственное мгновеніе которое вамъ принадлежитъ и т. д., и т. д., и т. д., это все избито, а между тѣмъ это вѣрно. (Завтра я куплю себѣ другихъ перьевъ: эти отвратительны и портятъ мнѣ удовольствіе писать вамъ.) Посмотримъ, однако. — (Ахъ, слава Богу, вотъ нашлось довольно сносное!) Что я дѣлалъ вчера, въ субботу? Я читалъ книгу, о которой часто отзывался съ большою похвалой, не зная ея, каюсь. *Les Provinciales* Паскаля. Это вещь чуд-

* Можетъ быть ничего не увидишь, а можетъ, что и увидишь.

ная во всѣхъ отношеніяхъ. Здравый смыслъ, краснорѣчіе, комическая жилка, все здѣсь есть. А между тѣмъ это произведеніе раба, раба католицизма,—„Херувимы, эти блаженныя существа, состоящія изъ головы и крыльевъ“, „эти прославленные парящіе лики, всегда багряные и пламенѣющіе“, іезуита Ле-Муана, разсмѣшили меня до слезъ.

Потомъ я отправился на выставку статуй олицетворяющихъ республику или скорѣе семисотъ эскизовъ представляющихъ ее, и возвратился оттуда въ такомъ же негодованіи какъ и всѣ. Это невообразимая мерзость! какой конкурсъ! Гдѣ ты, жюри?

Затѣмъ я провелъ вечеръ у Т..., о которомъ я вамъ уже говорилъ. Мы тамъ *вели* разговоръ болѣе или менѣе интересный, но очень томительный. Знакомы ли вы съ такими домами гдѣ невозможно разговаривать à esprit *couché*, гдѣ разговоръ становится рядомъ задачъ, которыя приходится рѣшать въ потѣ ума

своего, гдѣ хозяева дома не подозрѣваютъ того что часто самое деликатное вниманіе съ ихъ стороны, это—не обращать вниманія на своихъ гостей; гдѣ каждое слово прилипаетъ? Какая пытка! Такой разговоръ—это скачка на переkладныхъ гдѣ вы являетесь лошадью.

Затѣмъ, ложась спать, я прочелъ *Путешествіе вокругъ моей комнаты* графа de Maistre, еще одна вещь которой я не зналъ; но это путешествіе мнѣ очень мало понравилось; это подражаніе Стерну,—написанное очень умнымъ человѣкомъ,—а я замѣтилъ что въ подражаніи самые остроумные люди бываютъ всего отвратительнѣе, когда они относятся къ дѣлу серіозно. Глупый человѣкъ подражаетъ рабски; умный человѣкъ безъ таланта подражаетъ съ претензіями и усиліемъ, съ самымъ худшимъ изо всѣхъ усилій, съ усиліемъ быть оригинальнымъ. Бьющаяся въ плѣну мысль — печальное зрѣлище!

Особенно подражатели Стерна вну-

шаютъ мнѣ отвращеніе,—эгоисты, полные чувственности, которые нѣжатся, облизываются, любуются собой, стараясь въ то же время казаться простыми и добродушными (Topffer немного въ этомъ родѣ.)

Экспедиція моего друга Herwegh * потерпѣла полное фіаско; эти несчастные рабочіе подверглись ужасному избіенію. Второй начальникъ Bornstedt былъ убитъ; что касается до Herwegh, то онъ, говорятъ, вернулся въ Страсбургъ со своею женой. Если онъ пріѣдетъ сюда, я ему посовѣтую еще разъ прочесть *Короля Лира*, особенно сцену между королемъ, Эдгаромъ и сумашедшимъ въ лѣсу. Бѣдняга! Ему слѣдовало или не начинать дѣла, или дать убить себя какъ и другихъ...

---

* Поэтъ и нѣмецкій воинствующій политиканъ, который, подъ вліяніемъ идеи февральской революціи въ Парижѣ, отправился въ походъ во главѣ отряда вооруженныхъ рабочихъ и, съ помощью баденскихъ революціонеровъ, проникъ въ городъ, но былъ отбитъ виртембергскими войсками.

. . . . . .

Возвратится ли вашъ мужъ въ Парижъ? Г. Бастидъ находится въ спискѣ выбранныхъ.

Mme Sitchès писала мнѣ о васъ. Я надѣюсь что вы будете такъ добры и вскорѣ мнѣ напишете.

До завтра...

Понедѣльникъ, 1 мая, 11 ч. вечер.

Я воспользовался хорошею погодой сегодня чтобъ отправиться въ Ville-d'Avray, деревушку за Saint-Cloud. Я думаю что найму тамъ комнату. Я провелъ болѣе четырехъ часовъ въ лѣсахъ — печальный, растроганный, созерцающій, поглащающій и поглощенный. Странное впечатлѣніе природа производитъ на человѣка, когда онъ одинъ... Въ этомъ впечатлѣніи есть осадокъ горечи, *свѣжей* какъ благоуханіе полей, немного *свѣтлой* меланхоліи,

какъ въ пѣніи птицъ. Вы понимаете что̀ я хочу сказать, вы понимаете меня гораздо лучше чѣмъ я самъ себя понимаю. Я безъ волненія не могу видѣть какъ вѣтка, покрытая молодыми зеленѣющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубомъ небѣ—почему? Да, почему? По причинѣ ли контраста между этою маленькою живою вѣткой, колеблющеюся отъ малѣйшаго дуновенія, которую я могу сломать, которая должна умереть, но которую какая-то великодушная сила оживляетъ и окрашиваетъ, и этою вѣчною и пустою безпредѣльностью, этимъ небомъ, которое только благодаря землѣ сине и лучезарно? (Такъ какъ внѣ нашей атмосферы холодъ достигаетъ 70° *и* *свѣта* очень мало. Свѣтъ стократно увеличивается при соприкосновеніи съ землей.) Ахъ! Я не выношу неба, — но жизнь, реальность, ея капризы, ея случайности, ея привычки, ея мимолетную красоту... все это я обожаю. Я—я прикованъ къ землѣ. Я предпочту созерцать торопливыя

движенія утки которая влажною лапкой чешетъ себѣ затылокъ на берегу болота, или длинныя блестящія капли воды, медленно падающія съ морды неподвижной коровы которая только что напилась въ пруду, куда она вошла по колѣно.....

[illegible] мая, 6/2 ч. VI.

Вчера вечеромъ я находился въ философско-пантеистическомъ настроеніи ума. Поговоримъ сегодня о другомъ. Я хочу говорить о васъ, а это доказываетъ... что сегодня я гораздо умнѣе.

Вы дебютируете въ *Гугенотахъ*; это очень хорошо. Но не слѣдуетъ допускать чтобы вамъ давали исполнять лишь драматическія роли. Еслибы вы пѣли *Соннамбулу*... это лучшая роль гжи Линдъ; она въ ней дебютируетъ — ну что же изъ этого? Мнѣ кажется что я могу ручаться за большой успѣхъ.

Вы пойдете ее слушать послѣ завтра; Вы мнѣ напишете, не правда ли, о впечатлѣніи которое она на васъ произведетъ? Во всякомъ случаѣ, не позволяйте чтобы васъ замкнули въ спеціальность драматическихъ ролей. Газеты сообщаютъ что вы дебютируете 6го, въ субботу, правда ли это? Въ этотъ вечеръ въ Парижѣ нѣкто будетъ... я не говорю безпокоиться но во всякомъ случаѣ... онъ будетъ не въ своей обычной тарелкѣ. Какое странное выраженіе, быть въ своей тарелкѣ, будто кушанье! А кто насъ ѣстъ?.....

Третьяго дня я ходилъ смотрѣть Фредерика Леметра въ *Robert Macaire*. Вещь эта плохо сдѣлана и гнусна, но Фредерикъ сильнѣйшій актеръ какого я знаю. Въ этой піесѣ онъ страшенъ. Robert Macaire это тотъ же Прометей, но самый чудовищный изо всѣхъ. Какая дерзость, какая безстыдная наглость, какой циническій апломбъ, какое недовѣріе ко всему и какое презрѣніе всего! Публика держитъ себя превосходно: спо-

койно-холодно и съ достоинствомъ. Честное слово, послѣдній уличный мальчишка наслаждается талантомъ Фредерика какъ артиста, а роль его находитъ отвратительною. Но какая подавляющая правда, какое вдохновеніе!... Но, видите ли, нравственное чувство и чувство прекраснаго—это двѣ шишки, которыя ничего не имѣютъ общаго между собой. Счастливъ тотъ кто обладаетъ ими обѣими.

Сегодня великолѣпная погода. Я уйду черезъ часъ и вернусь очень поздно. Мнѣ надо нанять себѣ маленькую комнатку внѣ Парижа. Поселиться въ Ville d'Avray мнѣ помѣшало то что нужно переправляться черезъ Сену (чтобы попасть туда) по понтонному мосту, и притомъ пѣшкомъ,—такъ какъ судовщики воспользовались февральскою революціей и разрушили желѣзнодорожный мостъ,—а это беретъ много времени.

Я постараюсь пробраться на трибуны Народнаго Собранія въ день открытія. Если это мнѣ удастся, я обѣ-

щаю вамъ прислать самое точное описаніе. Съ вашей стороны, когда вы совсѣмъ устроитесь, вы мнѣ опишете вашъ домъ и вашу гостиную Сдѣлайте это, *pojalóuïsta.*

. . . . . .

А теперь позвольте мнѣ пожать вамъ руку. Тысяча благопожеланій г-жѣ Гарсіа, вашему супругу, mlle Antonia и Louise. *Leben Sie wohl.*

Ihr ergebener Freund

Ив. Тургеневъ.

X.

Точное описаніе того что̀ я видѣлъ въ понедѣльникъ 15 мая (1848).

Я вышелъ изъ дома въ полдень. Видъ бульваровъ не представлялъ ничего необычайнаго; однако, на площади Маделенъ уже находилось отъ двухсотъ до трехсотъ рабочихъ со знаменами.

Стояла удушливая жара. Въ группахъ говорили съ оживленіемъ. Вскорѣ я увидалъ какъ какой-то старикъ лѣтъ шестидесяти влѣзъ на стулъ въ лѣвомъ углу площади и сталъ говорить рѣчь въ пользу Польши. Я приблизился; то что̀ онъ говорилъ было очень рѣзко и очень плоско; тѣмъ не менѣе ему много рукоплескали. Я услыхалъ какъ возлѣ меня говорили что это аббатъ Chatel.

Черезъ нѣсколько минутъ я увидалъ какъ съ Площади Согласія сюда ѣхалъ генералъ Куртуа на бѣломъ конѣ (à la Ла-Файетъ); онъ направлялся къ бульварамъ, кланяясь толпѣ, и вдругъ началъ говорить съ пылкостью и чрезвычайною жестикуляціей; я не могъ слышать того что̀ онъ говорилъ. Затѣмъ онъ вернулся тою же дорогой какою пріѣхалъ.

Вскорѣ показалось процессія; она шла по шестнадцати человѣкъ въ рядъ, со знаменами впереди; человѣкъ тридцать офицеровъ національной гвардіи всякихъ чиновъ сопровождали петицію. Человѣкъ съ длинною бородой (который, какъ я потомъ узналъ, былъ Гюберъ) ѣхалъ въ кабріолетѣ.

Я видѣлъ какъ процессія медленно развертывалась предо мной (я помѣстился на ступеняхъ Мадлены) и затѣмъ направилась къ зданію Національнаго Собранія... Я не переставалъ слѣдить за нею взоромъ. Голова колонны на мгновеніе остановилась

у Моста Согласія, затѣмъ послѣдовалъ до рѣшетки. Время отъ времени раздавался громкій возгласъ: Vive la Pologne!—возгласъ, для слуха несравненно болѣе мрачный чѣмъ Vive la République! ибо буква *о* замѣнила букву *и*.

Вскорѣ можно было видѣть какъ люди въ блузахъ поспѣшно поднялись по ступенямъ дворца Собранія; вокругъ меня говорили что это были делегаты, которые были допущены въ зданіе. Однако, мнѣ вспомнилось что нѣсколько дней тому назадъ Собраніе декретировало постановленіе не принимать *pétitionnaires à la barre*, какъ дѣлалось въ Конвентѣ; и хотя я хорошо зналъ слабость и нерѣшительность нашихъ новыхъ законодателей, однако нашелъ это нѣсколько страннымъ.

Я сошелъ со своей вышки и пошелъ вдоль процессіи, которая остановилась у рѣшетки зданія палаты. Вся Площадь Согласія была запружена народомъ. Я слышалъ какъ вокругъ меня говорили, что Собраніе

въ эту минуту принимаетъ делегатовъ, и что передъ нимъ продефилируетъ вся процессія. На ступеняхъ перистиля стояло человѣкъ сто солдатъ подвижной гвардіи съ ружьями, но безъ штыковъ.

Подавленный жарой, я зашелъ на минутку въ Елисейскія поля; затѣмъ я вернулся домой съ намѣреніемъ захватить съ собою Гервега. Не заставъ его, я вернулся на Площадь Согласія; могло быть около трехъ часовъ. На площади все еще была масса народа; но процессія уже исчезла; по ту сторону моста виднѣлся только ея хвостъ, да еще послѣдніе значки. Едва успѣлъ я миновать обелискъ, какъ увидалъ человѣка безъ шляпы, въ черномъ фракѣ, который бѣжалъ съ выраженіемъ тревоги на лицѣ и кричалъ встрѣчнымъ: „Друзья мои, друзья мои, Собраніе заполонено, идите къ намъ на помощь; я представитель народа!“

Я направился какъ только могъ скорѣе къ мосту, но увидалъ что онъ загражденъ отрядомъ подвижной гвар-

діп. Въ толпѣ внезапно распространилось невѣроятное смятеніе. Многіе уходили; одни утверждали что собраніе распущено, другіе это отрицали; въ общемъ — невообразимая суматоха.

А между тѣмъ внѣшность Собранія не представляла ничего необычайнаго; *стража* его *сторожила*, какъ будто ничего не пропзошло. Одно мгновеніе мы услыхали какъ барабаны забили сборъ, затѣмъ все смолкло. (Въ послѣдствіи мы узнали что президентъ самъ приказалъ прекратить бой сбора, изъ осторожности, или же изъ трусости).

Такъ прошло долгихъ два часа! Никто не зналъ ничего положительнаго, но возстаніе, повидимому, одержало успѣхъ.

Мнѣ удалось пробиться сквозь рядъ гвардейцевъ у моста, и я взобрался на парапетъ. Я увидалъ массу народа, но безъ значковъ, которая бѣжала вдоль набережной по ту сторону Сены...

— Они направляются въ Думу!

воскликнулъ кто-то возлѣ меня: это опять такъ же какъ было 24 февраля.

Я спустился, съ намѣреніемъ идти къ Думѣ... Но въ это мгновеніе мы вдругъ услыхали продолжительную барабанную дробь, по ту сторону Мадлены появился баталіонъ подвижной гвардіи и двинулся въ атаку на насъ. Но такъ какъ, за исключеніемъ какой-нибудь горсти человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ вооруженъ пистолетомъ, никто не оказалъ имъ никакого сопротивленія, солдаты остановились передъ мостомъ, отведя бунтовщиковъ въ полицію.

Тѣмъ не менѣе даже и тогда, повидимому, ничего не было рѣшено; скажу больше: видъ подвижной стражи былъ довольно нерѣшительный. Въ теченіе по крайней мѣрѣ часа до появленія гвардіи и въ теченіе четверти часа по ея прибытіи всѣ вѣрили въ успѣхъ возстанія, только и слышались что слова: „дѣло кончено!“ произносимыя то радостно, то печально, смотря по образу мыслей говорившаго.

Командиръ баталіона, съ чисто французскимъ лицомъ, веселымъ и рѣшительнымъ, обратился къ своимъ солдатамъ съ краткою рѣчью, кончавшеюся словами: „Французы всегда будутъ Французами. Да здравствуетъ республика!“ Это его не компрометтировало.

Я забылъ вамъ сказать что во время этихъ двухъ часовъ тревоги и ожиданія, о которыхъ я вамъ говорилъ, мы видѣли какъ легіонъ національной гвардіи медленно въѣхалъ въ авеню Елисейскихъ полей и перешелъ Сену по мосту, который находится противъ Дома Инвалидовъ. Вотъ этотъ-то легіонъ напалъ на бунтовщиковъ съ тыла и оттѣснилъ ихъ отъ Собранія.

Между тѣмъ баталіонъ подвижной гвардіи подошедшій отъ Мадлены былъ встрѣченъ взрывами восторга буржуа... Возгласы: „да здравствуетъ Національное Собраніе!“ начались съ новою силой. Вдругъ распространился слухъ что представители снова вернулись въ залу. Все сразу перемѣнилось.

Со всѣхъ сторонъ зазвучалъ сборъ; солдаты подвижной гвардіи (ужъ дѣйсвительно подвижная!) надѣли свои шапки на штыки (что̀, говоря въ скобкахъ, произвело чрезвычайный эффектъ) и закричали: „да здравствуетъ Національное Собраніе!“ Какой-то подполковникъ національной гвардіи прибѣжалъ, запыхавшись, собралъ вокругъ себя съ сотню людей и разказалъ намъ что̀ произошло:

„Собраніе сильнѣе чѣмъ когда-либо! воскликнулъ онъ.—Мы раздавили негодяевъ... О, господа! я видѣлъ ужасы... видѣлъ какъ депутатовъ оскорбляли, били!...“

Десять минутъ спустя всѣ подступы къ Собранію были запружены войсками; пушки тяжело подъѣзжали крупною рысью; линейныя войска, уланы... Порядокъ, буржуа восторжествовали, справедливо на этотъ разъ.

Я оставался еще на площади до шести часовъ... Я только-что̀ узналъ что и въ Думѣ побѣда осталась за правительствомъ... Въ этотъ день

я пообѣдалъ только въ семь часовъ.

Изъ всей массы поразившихъ меня вещей я упомяну только о трехъ: во-первыхъ, упомяну *о внѣшнемъ порядкѣ*, который не переставалъ царить вокругъ Палаты; эти картонныя игрушки именуемыя солдатами охраняли возстаніе такъ тщательно, какъ только это было возможно: давъ ему пройти, они сомкнулись за нимъ. Справедливо будетъ сказать что Собраніе со своей стороны показало себя ниже всего чего можно было отъ него ожидать; оно, не протестуя, слушало въ теченіе получаса разглагольствія Бланки! Президентъ не надѣвалъ шляпы! Въ продолженіе двухъ часовъ представители не покидали своихъ скамеекъ и ушли лишь тогда, когда ихъ прогнали. Еслибъ эта была неподвижность римскихъ сенаторовъ передъ Галлами, это было бы величественно; но нѣтъ, ихъ безмолвіе было безмолвіемъ страха; они засѣдали, президентъ предсѣдалъ... Никто, за исключеніемъ г. Адельс-

варда, не протестовалъ... и даже самъ Клеманъ Тома прервалъ Бланки лишь для того чтобы съ важностью потребовать слова!

Поразило меня также съ какимъ видомъ разнощики съ лимонадомъ и сигарами расхаживали въ толпѣ: алчные, довольные и равнодушные, они имѣли видъ рыболововъ которые тащатъ хорошо нагруженный неводъ!

Втретьихъ, что̀ очень удивило меня самого, это было сознаніе невозможности дать себѣ отчетъ въ чувствахъ народа въ подобную минуту; честное слово, я не былъ въ состояніи угадать чего они хотѣли, чего боялись, были ли они революціонерами, или реакціонерами, или же просто друзьями порядка. Они какъ будто ожидали окончанія бури. А между тѣмъ я часто обращался къ рабочимъ въ блузахъ... Они ожидали... они ожидали!.. Что̀ же такое исторія?.. Провидѣніе, случай, промыслъ или рокъ?..

Ив. Тургеневъ.

XI.

Гіеръ, пятница 6 октября 1848.

Здравствуйте! Вотъ, наконецъ, добрался я до цѣли моихъ странствованій! Я пріѣхалъ вчера, послѣ двухдневнаго пребыванія въ Тулонѣ, гдѣ меня задержало легкое нездоровье которое теперь совершенно прошло, и которое, впрочемъ, абсолютно не имѣло ничего общаго съ моею покойною невралгіей — потому что я имѣю основаніе надѣяться что на сей разъ она дѣйствительно умерла. Я занимаю хорошенькую комнату въ Европейской гостинницѣ, выходящую на террасу, съ которой великолѣпный видъ: обширная зеленѣющая равнина, вся покрытая апельсинными, оливковыми, фиговыми и тутовыми деревьями, среди которыхъ тамъ и

сямъ поднимаются вѣера, или, вѣрнѣе, странныя перистыя метелки (plumeaux) пальмъ. Эта равнина, окаймленная справа и слѣва довольно-высокими холмами, заканчивается морскимъ рукавомъ, за которымъ тянутся и синѣютъ, на манеръ Капри, Гіерскіе острова. Вдоль берега бѣжитъ рядъ зонтообразныхъ сосенъ. Все это было бы прелестно, еслибы не дождь, который уже четыре дня не перестаетъ и въ настоящую минуту окутываетъ всю эту прекрасную равнину однообразнымъ, тусклымъ, сѣрымъ туманомъ.

Я разчитываю пробыть здѣсь дней десять. Надѣюсь что дождь этотъ не будетъ продолжаться вѣчно, если же онъ продолжится, ну — ужь тогда, честное слово, я засяду за отчаянную работу.

Я отправилъ вамъ мое послѣднее письмо изъ Марсели въ день моего отъѣзда въ Тулонъ, — надо чтобъ я разсказалъ вамъ что я дѣлалъ съ тѣхъ поръ. Не многое... однако, посмотримъ.

Я пріѣхалъ въ Тулонъ раннимъ утромъ послѣ ночнаго, довольно-непріятнаго путешествія по плохимъ дорогамъ. Тулонъ довольно красивый городъ, не особенно грязный, что очень много значитъ во Франціи. Погода была довольно-нелѣпая, большія насыщенныя дождемъ тучи тяжело двигались надъ городомъ, выпуская изъ себя настоящіе потоки воды, которые, вслѣдствіе отсутствія вѣтра, лились почти перпендикулярно; затѣмъ, какъ только непогода миновала, могучее, сіяющее и веселое солнце ударило въ дома и струящіяся водой улицы.

Тулонъ окруженъ высокими сѣро-желтыми горами; ничего не могло быть прелестнѣе того вида какъ онѣ мало-по-малу выступали въ свѣтъ сквозь послѣднюю дымку уходившаго ливня. Я сѣлъ въ небольшую парусную лодку и объѣхалъ рейдъ, который очень красивъ и обширенъ. Мы проплыли мимо фрегата *le Muiron*, на которомъ Наполеонъ вернулся изъ Египта, и который заботливо бере-

гутъ въ гавани; на рейдѣ находилось около двадцати военныхъ кораблей. Въ теченіи часа съ четвертью, пока продолжалась моя экскурсія, прошло два или три ливня, все безъ вѣтра; игра красокъ, совершавшаяся до, во время и послѣ дождя на морѣ, представляла нѣчто великолѣпное. Море принимало то цвѣтъ китайской туши съ синеватыми отливами, потомъ становилось темнымъ синевато-зеленымъ или свѣтло-голубымъ съ мелкими золотыми искорками; направо оно было бѣло-молочнаго цвѣта; налѣво, у скалъ, темно-сѣраго съ пѣнистыми гребнями... и все это измѣнялось, ежеминутно перемѣщалось, соотвѣтственно тому какъ я поворачивалъ голову, или какъ проходили облака

Наконецъ, я вернулся и направился пѣшкомъ къ Арсеналу, съ намѣреніемъ поглядѣть на каторжниковъ; но какъ только я заявилъ что я иностранецъ, и притомъ Русскій, мнѣ строго отказали во входѣ. Повидимому, сюда пришли новыя и очень строгія распоряженія. Послѣ этого я

возвратился къ себѣ въ гостиницу и уже приготовился было ѣхать въ Гіеръ, какъ вдругъ у меня сдѣлался какой-то нервный желудочный приступъ, заставившій меня остаться. Я послалъ за докторомъ, который далъ мнѣ успокоительныхъ средствъ, предписалъ мнѣ покой, и двадцать четыре часа спустя, то-есть вчера въ четыре часа, я уѣхалъ, совершенно поправившись, свѣжій и бодрый, въ Гіеръ, куда прибылъ какъ разъ во время чтобы сѣсть за столъ съ какимъ-то рыжимъ Англичаниномъ, страшно стѣсненнымъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ галстукомъ въ формѣ кринолина и въ два фута вышины, со старымъ чахоточнымъ господиномъ отталкивающаго вида—какой-то козелъ съ глазами попугая — и со старымъ капитаномъ Африканскихъ стрѣлковъ, добрымъ малымъ, который, впрочемъ, не желалъ бы ничего лучшаго какъ съѣсть соціалистовъ живьемъ, какъ онъ привыкъ къ этому съ Бедуинами . . . . . .
. . . . . .

Какъ вы поживаете? Что подѣливаете? Какъ ваше здоровье? Хорошо, не такъ ли?.. Я обѣдаю у васъ въ воскресенье, 5-го; желаете вы *принять это приглашеніе?* — Значитъ рѣшено 5-го, въ вашемъ маленькомъ китайскомъ салонѣ, у васъ будетъ за столомъ одинъ лишній гость. Я прошу на этотъ день русскій шарлотъ.

Дождь, кажется, хочетъ перестать; но небо все еще сѣрое отъ края до края, безъ малѣйшаго просвѣта. Сегодня, послѣ моей экскурсіи на почту, я вошелъ въ церковь, очень древнюю и очень хорошо сохранившуюся. Внутренность ея тѣсна и мрачна; свѣтъ едва въ нее проникаетъ сквозь цвѣтныя стекла—нѣтъ ни одного стекла бѣлаго. Въ ту минуту какъ я вошелъ въ церковь, всѣ священники (ихъ было нѣсколько, въ торжественномъ траурномъ одѣяніи) готовились пѣть *Requiem* передъ гробомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ и окруженнымъ желтыми восковыми свѣчами; на стульяхъ неподвижно

расположилось около ста человѣкъ. Священники и мальчики-пѣвчіе приняли пѣть рѣзкими и фальшивыми голосами... Положительно, я предпочитаю открытое небо, костеръ и игры древнихъ.

Кстати о древнихъ: я собираюсь какъ-нибудь на-дняхъ отправиться на одинъ изъ острововъ съ *Одиссеей* и пробыть тамъ неопредѣленное время . . . . . .

У меня еще имѣется на очереди комедія, которую я желаю окончить до отъѣзда изъ Гіера. Надо будетъ, однако, перевести вамъ одну изъ комедій въ теченіе зимы. Дѣло въ томъ что я васъ немножко побаиваюсь, знаете ли вы это? Все равно, надо будетъ перевести.

Ну, что же? даютъ ли, наконецъ, *Jeanne la Folle?* Я не вижу объ этомъ ни самомалѣйшаго объявленія въ газетахъ. Будутъ ли у васъ хоть какіе-нибудь „*glimpses*“ музыки *Пророка* ко времени моего возвращенія? Увидимъ. А теперь дайте мнѣ вашу руку, которую я жму крѣпко, очень

крѣпко; да благословитъ васъ Богъ милліоны разъ.

Тысячу дружескихъ привѣтствій всѣмъ вашимъ. Что дѣлаетъ Віардо? Здоровъ ли онъ? Итакъ, до свиданія —за столомъ—5-го.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

XII.

ерсаль, среда 10 января 1849.

Здравствуйте, какъ ваше здоровье Хорошо, не правда ли? Ну, что жь! я тоже чувствую себя не плохо. Добрый Мюллеръ, съ которымъ я провелъ почти весь вчерашній день, долженъ былъ вамъ сказать это.

Въ парижскомъ воздухѣ, должно-быть, заключается что-нибудь непріятное для моихъ нервовъ. Злодѣйскій Парижъ! А все-таки я его люблю. Признаюсь вамъ что я немножко скучаю въ Версалѣ, но буду твердъ, я *перевожу*, читаю Сенъ-Симона, гуляю, хожу въ кафе читать газеты — и уже завсегдатаи, старые, дряхлые буржуа, которые въ первый день смотрѣли на меня изъ-подлобья и искоса, какъ обыкновенно смо-

трятъ загнанные въ безвыходное мѣсто дикіе кабаны на охотничьихъ картинахъ,—начинаютъ при видѣ меня приподнимать свои шляпы. Я смотрю на ихъ нескончаемую партію въ домино, прерываемую на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ однѣми и тѣми же шутками—по одному су за сотню!—и спрашиваю себя: что̀ такое жизнь, какъ сказалъ бы г. Викторъ Гюго. Нѣтъ, я ни о чемъ не спрашиваю себя, я смотрю на эти „луковичныя растенія“, и видъ ихъ неизмѣннаго и просто глупаго спокойствія внушаетъ мнѣ нѣчто въ родѣ покорной скуки,—это тотъ же хлороформъ... пусть вырвутъ мнѣ коренной зубъ!

Не ожидаете ли вы чтобъ я вамъ сообщилъ что-нибудь о Версалѣ? да? Ну, вы ошибаетесь. Вы знаете мою любовь къ неожиданному, а здѣсь я могу повторять лишь истасканныя до глубины вещи, которыя всѣ и слышали, и повторяли тысячи разъ. Впрочемъ, я напишу вамъ слѣдующими словами: величіе, уединеніе,

безмолвіе, бѣлыя статуи, голыя деревья, ледяные фонтаны, великія воспоминанія, длинныя пустынныя аллеи — при помощи этихъ словъ, которыя вы можете пересыпать какъ камушки калейдоскопа—при помощи вашего воображенія и вашего ума (o! o!), вы сами будете вполнѣ въ состояніи сказать себѣ все что̀ я могъ бы вамъ написать, и еще въ тысячу милліоновъ разъ лучше (спѣшу прибавить эти послѣднія слова, иначе моя фраза становится фатовскою до ужаса), если вы не предпочтете заняться чѣмъ-нибудь другимъ, чего не могу вамъ не посовѣтовать.

Однако, я былъ у г. Верне; картина его слаба и холодна.

Я познакомился съ двумя собаками: одна сообщительна, весела, вѣтренна, мало или вовсе не воспитана, умна, насмѣшлива и немного mauvais sujet, въ наилучшихъ отношеніяхъ со всѣми въ мірѣ и, по правдѣ говоря, безо всякаго чувства достоинства; другая кротка, мечтательна,

лѣнива и лакомка, насыщена чтеніемъ Ламартина, вкрадчива и пренебрежительна одновременно. Собаки эти посѣщаютъ одно кафе со мной Парвая собака принадлежитъ (если собака можетъ принадлежать!!!) маленькому армейскому хирургу, очень худому, очень безобразному и очень угрюмому; хозяйка же второй собаки— дама за конторкой, маленькая старуха, беззубая вслѣдствіе своей доброты.— Есть люди которые на васъ производятъ подобное впечатлѣніе. Первую собаку я приглашалъ къ себѣ въ гости, но она полагаетъ что хозяинъ накажетъ ее за это плеткой; я не могъ противопоставить ей разумнаго довода и удовольствовался тѣмъ что далъ кусочекъ сахара, который она въ то же мгновенье сгрызла, учтиво и живо виляя хвостомъ.

А затѣмъ цѣлую ваши прекрасныя руки и остаюсь навсегда

Вашъ

Иванъ Тургеневъ.

XIII.

Парижъ, воскресенье вечеромъ, іюнь 1849.

Добрый вечеръ. Какъ вы пожи-ваете въ Куртаванелѣ? Держу ты-сячу противъ одного что вы не угадаете того что... Но хорошъ же я, держа тысячу противъ одно-го—потому что вы уже угадали при видѣ этого лоскутка нотной бума-ги. Да, сударыня, это я сочи-нилъ то что̀ вы видите — музыку и слова, даю вамъ слово! Сколько это мнѣ стоило труда, пота лица, умственнаго терзанія, не поддается описанію. Мотивъ я нашелъ доволь-но скоро—вы понимаете: вдохнове-ніе! но затѣмъ подобрать его на фортепіано, а затѣмъ записать... Я разорвалъ четыре или пять черновыхъ : и все-таки даже теперь не увѣренъ въ

томъ что не написалъ чего-нибудь чудовищно-невозможнаго. Въ какомъ это можетъ быть тонѣ? Мнѣ пришлось съ величайшимъ трудомъ собрать все что̀ всплыло въ моей памяти музыкальныхъ крохъ; у меня голова отъ этого болитъ: что̀ за трудъ! Какъ бы то ни было, можетъ-быть, это заставитъ васъ минуты двѣ посмѣяться.

Впрочемъ, я чувствуя себя несравненно лучше нежели я пою,— завтра я въ первый разъ выйду. Пожалуйста, устройте къ этому басъ, какъ для тѣхъ нотъ которыя я писалъ наудачу. Еслибы вашъ братъ Мануэль увидѣлъ меня за работой,— это заставило бы его вспомнить о стихахъ которые онъ сочинялъ на Куртавенельскомъ мосту, описывая конвульсивныя круги ногой и дѣлая граціозныя округленныя движенія руками. Чортъ возьми! неужели такъ трудно сочинять музыку? Мейерберъ великій человѣкъ!!!

Понедѣльникъ.

Проснувшись, я нашелъ ваше письмо и уже вовсе не расположенъ шутить. Какое несчастіе! Какъ подумаешь—сколько дурныхъ и безтолковыхъ въ мірѣ вещей.....
....
.....

По поводу холеры, она съ неистовствомъ продолжаетъ свои опустошенія; то ей благопріятствовало тепло, теперь ея развитію способствуетъ холодъ. Дерзкая, она умѣетъ приспособляться ко всему. Что до меня, то я чувствую какъ ея когти удаляются, но медленно, мнѣ было разрѣшено выйти сегодня,—вотъ у меня дѣлается на щекѣ что-то въ родѣ флюса! Гдѣ бы, чортъ возьми, могъ я простудиться, я, который не выхожу изъ комнаты? Оказывается, вынужденъ не покидать ея и сегодня.

Бѣдствіе случившееся въ Куртавенелѣ напоминаетъ мнѣ о тягостной сценѣ, свидѣтелемъ которой я былъ въ Россіи. Цѣлая крестьянская семья выѣхала въ телѣгѣ чтобы заняться

уборкой своего поля, находившагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ихъ села; и вотъ ужаснѣйшій градъ вдругъ до чиста уничтожаетъ всѣ колосья! Прекрасное поле превратилось въ лужу грязи. Мнѣ пришлось проходить мимо; всѣ они безмолвно сидѣли вокругъ своей телѣги; женщины плачали; отецъ, съ непокрытою головой и открытою грудью, ничего не говорилъ. Я подошелъ къ нимъ, хотѣлъ было ихъ утѣшить, но при первомъ моемъ словѣ мужикъ медленно повалился ничкомъ и обѣими руками натянулъ свою рубаху изъ грубаго небеленаго холста на голову. Это было послѣднимъ движеніемъ умирающаго Сократа: послѣдній и безмолвный протестъ человѣка противъ жестокости себѣ подобныхъ или грубаго равнодушія природы. Да, она такова: она равнодушна; душа есть только въ насъ и, можетъ-быть, немного вокругъ насъ... это слабое сіяніе, которое старая ночь вѣчно стремится поглотить. Но это не мѣшаетъ этой негодной природѣ быть вос-

хитительно прекрасною, и соловей можетъ доставлять намъ чудные восторги, между тѣмъ какъ какое-нибудь несчастное полураздавленное насѣкомое мучительно умираетъ у него въ зобу. Какъ это мрачно!—мнѣ кажется что я черезъ-чуръ краснорѣчивъ,—но это ничего.

Да, что же такое надо сказать вамъ прежде чѣмъ кончить? Ахъ, что я чрезвычайно признателенъ гжѣ Ситчесъ за оказываемое ею мнѣ участіе и что я не неблагодарный, что я буду очень радъ вновь видѣть ее въ четвергъ, если это можетъ устроиться. Потому что выѣхать до этого дня, — объ этомъ и думать нечего. Впрочемъ, прошу васъ передать отъ меня тысячу дружескихъ привѣтовъ всѣмъ, и г. Морису Занду, между прочимъ, если онъ этого желаетъ, и если онъ не позабылъ меня.

Будьте здоровы, веселитесь хорошенько, и да благословитъ васъ Богъ.

Кстати, я нашелъ три сюжета:

правда, всѣ они очень плохи, но при настойчивости, можетъ - быть, я и найду что-нибудь.

До свиданья, до послѣ завтра. Въ ожиданіи дружески жму ваши руки.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XIV.

Куртавенель, среда.

Вотъ, сударыня, вамъ второй бюллетень.

Всѣ вполнѣ здоровы: воздухъ Бри положительно очень здоровъ. Теперь половина двѣнадцатаго утра, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ почтальйона, который, надѣюсь, доставитъ намъ хорошія вѣсти.

Вчерашній день былъ менѣе однообразенъ чѣмъ позавчера. Мы сдѣлали большую прогулку, а затѣмъ вечеромъ, во время нашей игры въ вистъ, произошло великое событіе. Вотъ что случилось: большая крыса забралась въ кухню, а Вероника, у которой она наканунѣ съѣла чулокъ (какое прожорливое животное! куда бы ни шло еслибъ

еще это былъ чулокъ Мюллера), имѣла ловкость заткнуть тряпкой и двумя большими камнями дыру, которая служила отступленіемъ крысѣ. Она прибѣгаетъ и сообщаетъ намъ эту великую вѣсть. Мы всѣ поднимаемся, всѣ вооружаемся палками и входимъ въ кухню. Несчастная крыса укрылась подъ угольный шкафъ; ее оттуда выгоняютъ,—она выходитъ, Вероника пускаетъ въ нее чѣмъ-то, но промахивается; крыса возвращается подъ шкафъ и исчезаетъ. Ищутъ, ищутъ во всѣхъ углахъ,—крысы нѣтъ. Напрасны всѣ старанія; наконецъ, Вероника догадывается выдвинуть совсѣмъ маленькій ящичекъ... въ воздухѣ быстро мелькаетъ длинный сѣрый хвостъ,—хитрая плутовка забилась туда! Она соскакиваетъ съ быстротой молніи, — ей хотятъ нанести ударъ,—она снова исчезаетъ. На этотъ разъ поиски продолжаются полчаса, — ничего! И замѣтьте что въ кухнѣ очень мало мебели. Утомившись войной, мы уда-

ляемся, мы снова садимся за вистъ. Но вотъ входитъ Вероника, неся щипцами трупъ своего врага.—Вообразите себѣ куда спряталась крыса! Въ кухнѣ на столѣ стоялъ стулъ, а на этомъ стулѣ лежало платье Вероники,—крыса забралась въ одинъ изъ его рукавовъ.—Замѣтьте, что я трогалъ это платье четыре или пять разъ во время нашихъ поисковъ. Не восхищаетесь ли вы присутствіемъ духа, быстротой глаза, энергіей характера этого маленькаго животнаго? Человѣкъ, при такой опасности, сто разъ потерялъ бы голову, Вероника хотѣла уже уйти и отказаться отъ поисковъ, когда, къ несчастью, одинъ изъ рукавовъ ея платья чуть примѣтно шевельнулся... бѣдная крыса заслуживала чтобъ спасти свою шкуру...

Это послѣднее выраженіе напомнило мнѣ что въ *National* я прочелъ прискорбное извѣстіе: повидимому, арестовали нѣсколько нѣмецкихъ демократовъ.—Нѣтъ ли въ числѣ ихъ

Мюллера?—Боюсь также за Герцена. Дайте мнѣ о немъ извѣстіе, прошу васъ. Реакція совсѣмъ опьянена своею побѣдой и теперь выкажется во всемъ своемъ цинизмѣ.

Погода сегодня очень пріятная, но въ іюнѣ хотѣлось бы чего - нибудь другаго, вмѣсто молочнаго неба и легкаго вѣтерка, который наводитъ на мысль, не слишкомъ ли онъ свѣжъ. Вы привезете намъ хорошую погоду. Мы не ждемъ васъ раньше субботы.

Мы покорились этому... Маленькая замѣтка отъ дирекціи въ газетѣ не оставляетъ намъ насчетъ этого никакихъ иллюзій.—Терпѣніе! но какъ мы будемъ счастливы снова увидѣть васъ!.

Оставляю немножко мѣста для Луизы и для другихъ. (Слѣдуютъ письма Луизы и Берты.)

P. S. Мы, наконецъ, получили письмо (половина четвертаго). Слава Богу, все шло хорошо во вторникъ. — Ради Бога, берегите себя.—Тысячу дружескихъ привѣтствій вамъ и прочимъ.

Tausend Grüsse.

Ihr Ив. Тургеневъ.

XV.

Куртавенель, 19 іюня 1849

Здравствуйте; какъ вы поживаете?— Всѣ обитатели Куртавенеля чувствуютъ себя хорошо и кланяются вамъ. Они поручили мнѣ дать вамъ отчетъ о вчерашнемъ днѣ. Вотъ этотъ отчетъ:

Послѣ вашего отъѣзда, всѣ отправились спать и спали до десяти часовъ; затѣмъ встали, довольно молчаливо позавтракали, поиграли не спѣша на билліардѣ, затѣмъ принялись за дѣло: M-lle Berthe съ Луизой, г. Sitchès съ газетой, гжа Sitchès не знаю гдѣ, а я въ маленькомъ кабинетѣ продолжалъ, какъ вамъ извѣстно, искать *сюжетъ*. Я размышлялъ въ продолженіе часа, затѣмъ читалъ по-испански, потомъ написалъ пол-

страницы на избранную тему, затѣмъ я отправился въ большую гостиную, гдѣ съ удивленіемъ увидѣлъ что еще только два часа. Тогда я въ продолженіе трехъ четвертей часа занялся съ Луизой, которая начинаетъ немного забывать нѣмецкій языкъ, но сдѣлала очень немного орѳографическихъ ошибокъ въ своемъ диктантѣ; потомъ я отправился гулять одинъ, а по моемъ возвращеніи все общество (вмѣстѣ со мною) отправилось гулять до обѣда, который былъ въ пять часовъ. Послѣ обѣда время, которое до тѣхъ поръ тащилось какъ лапка раненой куропатки, показалось мнѣ менѣе долгимъ; правда что я проспалъ до девяти часовъ, вслѣдствіе усталости вызванной во мнѣ моими двумя прогулками. Въ девять часовъ намъ принесли чай—или скорѣе швейцарскую микстуру de Razay, которую мы пили, приправляя этотъ скромный ужинъ маленькою бесѣдой, скромною и умѣренною, о предметахъ вполнѣ обычныхъ и очень мало инте-

ресныхъ. Беркенъ и Мармонтель, какъ и всякій другой авторъ нравственныхъ и поучительныхъ книгъ, были бы тронуты, я увѣренъ, видя наше скромное и благопристойное поведеніе, нашу обоюдную уступчивость, которую легкая сонливость дѣлала еще болѣе пріятною. Наконецъ, насладившись около часа обществомъ себѣ подобныхъ, удовольствіе, для котораго, какъ утверждаютъ, созданъ человѣкъ, мы направились въ столовую, взяли свои свѣтильники, пожелали другъ другу доброй ночи и легли въ постели, гдѣ тотчасъ заснули.

Нынче утромъ погода очень хорошая, очень теплая; я сдѣлалъ довольно большую прогулку передъ завтракомъ и пишу вамъ теперь между завтракомъ и билліардомъ, изъ страха какъ бы почтальйонъ не пришелъ раньше обыкновеннаго. Мы будемъ ожидать его завтра съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ.

Жму ваши руки, очень крѣпко, чрезвычайно крѣпко. Тысяча благо-

пожеланій Віардо и другимъ друзьямъ...

Часъ.—Почтальйонъ еще не пришелъ, я прибавлю нѣсколько словъ. Погода прелестная, и Куртавенель сегодня очень красивъ и милъ. Я провелъ все утро въ паркѣ. Что вы дѣлаете въ эту минуту? Это вопросъ который мы предлагаемъ себѣ каждую четверть часа... Всѣ чувствуютъ себя сегодня еще лучше чѣмъ вчера. Еще разъ прощайте, будьте здоровы, и до свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XVI.

Куртавенель, четвергъ, 19 іюня 1849, 8½ ч. вечера.

Нѣтъ болѣе тростника! Ваши канавы вычищены, и человѣчество свободно вздохнуло. Но это не обошлось безъ труда. Мы работали какъ Негры въ продолженіе двухъ дней— и я имѣю право сказать *мы*, такъ какъ и я принималъ нѣкоторое участіе. Еслибы вы меня видѣли, особенно вчера, выпачканнаго, вымокшаго, но сіяющаго! Тростникъ былъ очень длиненъ, и его очень трудно было вырывать, тѣмъ труднѣе, чѣмъ онъ былъ хрупче. Въ концѣ-концовъ дѣло сдѣлано!

Уже три дня что я одинъ въ Куртавенелѣ; и что же! Клянусь вамъ что я не скучаю. Утромъ я много ра-

ботаю, прошу васъ вѣрить этому, и я вамъ представлю доказательство .....
....

Кстати, между нами будь сказано, вашъ новый садовникъ немного лѣнивъ; онъ едва не далъ погибнуть олеандрамъ, такъ какъ не поливалъ ихъ, и грядки вокругъ цвѣтника находились въ плохомъ состояніи; я ему ничего не говорилъ, но принялся самъ поливать цвѣты и полоть сорную траву. Этотъ нѣмой, но краснорѣчивый намекъ былъ понятъ, и вотъ ужъ нѣсколько дней какъ все пришло въ порядокъ. Онъ слишкомъ болтливъ и улыбается больше чѣмъ слѣдуетъ; но жена его хорошая, прилежная бабенка. Не находите ли вы эту послѣднюю фразу неслыханною дерзостью въ устахъ такого величайшаго лѣнтяя какъ я?

Вы не забыли маленькаго бѣлаго пѣтуха? Такъ этотъ пѣтухъ настоящій демонъ. Онъ деретъся со всѣми, со мною въ особенности; я ему подставляю перчатку, онъ бросается,

вцѣпляется въ нее и даетъ нести себя какъ бульдогъ. Но я замѣтилъ что каждый разъ, послѣ битвы, онъ подходитъ къ дверямъ столовой и кричитъ какъ бѣшеный, пока ему не дадутъ ѣсть. То что я принимаю въ немъ за храбрость, можетъ - быть только наглость шута, который хорошо знаетъ что съ нимъ шутятъ и заставляетъ платить себѣ за свой трудъ? О, иллюзія! вотъ какъ тебя теряютъ.... г. Ламартинъ, воспойте мнѣ это.

Эти подробности съ птичьяго двора и изъ деревни заставятъ васъ, вѣроятно, улыбаться, васъ, которая готовится пѣть *Пророка* въ Лондонѣ... Это должно вамъ показаться очень идиллическимъ... А между тѣмъ я воображаю себѣ что чтеніе этихъ подробностей доставитъ вамъ нѣкоторое удовольствіе.

— Замѣтьте—какой апломбъ!

Итакъ, вы рѣшительно поете *Пророка*, и все это дѣлаете вы, всѣмъ управляете... Не утомляйтесь чрезмѣрно. Заклинаю васъ небомъ чтобы я

зналъ напередъ день перваго представленія... Въ этотъ вечеръ въ Куртавенелѣ лягутъ спать не раньше полуночи. Сознаюсь вамъ, я ожидаю очень, очень большаго успѣха.—Да хранитъ васъ Богъ, да благословитъ Онъ васъ и сохранитъ вамъ прекрасное здоровье. Вотъ все что я у Него прошу; остальное—зависитъ отъ васъ..... ....

Такъ какъ, впрочемъ, въ Куртавенелѣ въ моемъ распоряженіи находится много свободнаго времени, то я пользуюсь имъ чтобы дѣлать совершенно нелѣпыя глупости. Увѣряю васъ что время отъ времени это для меня необходимо; безъ этого предохранительнаго клапана я рискую въ одинъ прекрасный день сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ очень глупымъ.

Напримѣръ, я сочинилъ вчера вечеромъ музыку на слѣдующія слова:

Un jour une chaste bergère
Vit dans un fertile verger,
Assis sur la verte fougère,
Un jeune et pudique étranger.

Timide, ainsi q'une gazelle
Elle allait fuir quand, tout à coup,
Aux yeux effrayés de la belle
S'offre un epouvantable loup:

Al'aspect da sa dent qui grince
La bergère se trouva mal.
A lors, pour la sauver, le prince
Se fit manger par l'animal. *

Предложите знаменитому автору *Offrande* сочинить на эте музыку. Я пришлю свою, и посмотримъ кто одержитъ верхъ, вы будете судьей.

---

* Вотъ вольный стихотворный переводъ этихъ строфъ:

Шла какъ-то пастушка тропинкой лѣсной,
И видитъ она: подъ густою листвой,
На травкѣ зеленой, стыдливый такой,
Сидитъ чужеземецъ одинъ молодой.

Представьте застѣнчивой дѣвы испугъ!
Какъ лань боязлива пастушка; скорѣй
Изъ лѣса бѣжать она хочетъ, но вдругъ
Явился огромнѣйшій волкъ передъ ней.

Не въ силахъ ужаснаго вида снести,
Пастушка мертвѣетъ, готова упасть,
А князь чужеземный, чтобъ дѣву спасти,
Бросается волку въ открытую пасть.

Кстати, я у васъ прошу извиненія что пишу вамъ подобныя глупости.

Пятница, 2ого, 10 ч. вечера.

Здравствуйте, что̀ вы дѣлаете сейчасъ? Я сижу передъ круглымъ столомъ въ большой гостиной... Глубочайшее молчаніе царствуетъ въ домѣ, слышится только шепотъ лампы.

Я, право, очень хорошо работалъ сегодня; я былъ застигнутъ грозой и дождемъ во время моей прогулки.

Скажите Віардо что̀ въ этомъ году очень много перепеловъ.

Сегодня я имѣлъ разговоръ съ Jean относительно *Пророка*. Онъ мнѣ говорилъ очень основательныя вещи, между прочимъ, что „теорія есть лучшая практика.“ Еслибъ это сказать Мюллеру, то онъ навѣрно откинулъ бы голову въ сторону и назадъ, открывая ротъ и поднимая брови. Въ день моего отъѣзда изъ Парижа, у этого бѣдняка было только два съ половиной франка; къ несчастью, я ничего не могъ ему дать.

Послушайте, хотя я и не имѣю *den politischen Pathos*, но меня возмущаетъ одна вещь: это возложенное на генерала Ламориеьера порученіе для главной квартиры императора Николая. * Это слишкомъ, это слишкомъ, увѣряю васъ. Бѣдные Венгерцы! Честный человѣкъ въ концѣ концовъ не будетъ знать гдѣ ему жить: молодыя націи еще варвары, какъ мои дорогіе соотечественники, или же, если они встаютъ на ноги и хотятъ идти, ихъ раздавливаютъ какъ Венгерцевъ; а старыя націи умираютъ и заражаютъ, такъ какъ онѣ уже сгнили и сами заражены. Въ этомъ случаѣ можно пѣть съ Рожеромъ: „И Богъ не гремитъ надъ этими нечестивыми головами?“ Но довольно! А потомъ, кто сказалъ что человѣку суждено быть свободнымъ? Исторія намъ доказываетъ противное.

* Въ настоящее время извѣстно что генералъ Ломерисьеръ имѣлъ порученіе заключить соглашеніе между республикой 1818 года и императоромъ Николаемъ I.

Гёте конечно не изъ желанія быть придворнымъ льстецомъ написалъ свой знаменитый стихъ:

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein.

Это просто фактъ, истина, которую онъ высказалъ въ качествѣ точнаго наблюдателя природы, какимъ онъ былъ.

До завтра.

Это не мѣшаетъ вамъ быть чѣмъ-то чрезвычайно прекраснымъ... Видите-ли, еслибы тамъ и сямъ на землѣ не было бы такихъ созданій какъ вы—то на самого себя было бы тошно глядѣть... До завтра.

Суббота, 21го.

Здравствуйте и прощайте. Погода скверная, вотъ все что̀ новаго. Жму очень крѣпко ваши руки. Тысяча благопожеланій Віардо и всѣмъ.

До свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

XVII.

Куртавенель, суббота 4 іюля 1849 г.

Здравствуйте. Я только сегодня получилъ письмо, которое вы мнѣ писали во вторникъ; не знаю чему приписать это промедленіе. Вы мнѣ не говорите, идетъ ли теперь *Пророкъ* съ бо́льшимъ ансамблемъ, но я полагаю что это разумѣется само собою. Увидите, вы дойдете до пятнадцати представленій. Ливерпульскія предложенія (или вѣрнѣе, это лучше нежели предложенія) превосходны; эти Англичане ни въ чемъ себѣ не отказываютъ. Я все еще не получаю никакихъ извѣстій изъ дома; впрочемъ, я совершенно здоровъ и очень доволенъ своею судьбой. Погода всѣ эти дни стояла довольно хорошая.

Третьяго дня меня посѣтилъ докторъ Фужэ. Мы съиграли партію на

бильіардѣ, я его каталъ въ лодкѣ. Я гребу лучше него, а онъ, между тѣмъ, хвастается что былъ въ свое время лучшимъ гребцомъ въ Берси. Должнобыть онъ съ тѣхъ поръ грести разучился, такъ какъ я въ греблѣ вовсе не силенъ. Кстати о лодкѣ; я долженъ вамъ сказать что къ несчастью вода въ каналахъ сильно убываетъ; она болѣе чѣмъ когда-либо стекаетъ въ сторону фонтана, не взирая на глину, которою думали заткнуть протокъ. Слѣдовало бы передѣлать шлюзъ, что было бы уже не такъ особенно трудно, окруживъ его камнями въ видѣ плотины. Долженъ я вамъ также сказать что каналы вовсе не вычищены; на днѣ въ нихъ множество тины. Отецъ Негро говорилъ мнѣ намедни, грозясь кулакомъ какому-то воображаемому существу: „А! еслибъ меня обкрадывали такъ, какъ обкрадываютъ г. Віардо!“ Должно быть онъ кое-что объ этомъ знаетъ. Впрочемъ, богатые на то и существуютъ, чтобъ ихъ обкрадывали. Но дѣло въ томъ что вы еще не богаты, чтобъ по

совѣсти давать себя обкрадывать. Я очень опасаюсь что, когда вы вернетесь, уже нельзя будетъ кататься по всѣмъ каналамъ; и теперь уже трудно проплывать подъ Чертовымъ мостомъ,—я такъ прозвалъ мостъ, который ведетъ на ферму. Во всякомъ случаѣ намъ останется „Великій Океанъ“,—часть каналовъ, которая идетъ вдоль дороги, начиная отъ башенки. Я проводилъ г. Фужѣ до Бландюро. Онъ сообщилъ мнѣ что мадмуазель Лора терпѣть меня не можетъ. По-видимому, случается что создаешь себѣ враговъ, не зная почему. Докторъ просилъ меня завтра придти къ нему завтракать.

Понедѣльникъ.

Я завтракалъ вчера у г. Фужѣ. Были тамъ г. Мажи, котораго вы знаете; онъ показался мнѣ добрымъ и тихимъ малымъ; докторъ изъ Парижа, въ родѣ петербургскаго М***, и братъ Фужѣ; онъ напомнилъ мнѣ другаго брата, на котораго онъ очень похожъ. Фужѣ заставилъ насъ пить двадцать различныхъ винъ; къ концу

завтрака всѣ говорили заразъ съ большимъ жаромъ и повторяли съ какимъ-то лихорадочнымъ волненіемъ вещи совершенно незначительныя, какъ это обыкновенно бываетъ когда соберутся люди мало знакомые между собою и еще менѣе другъ къ другу подходящіе, и когда вино разгорячитъ ихъ головы. Каждый вытряхиваетъ свой мѣшокъ общихъ мѣстъ, что̀ производитъ много пыли. Затѣмъ мы прошлись по Розейскимъ бульварамъ; э, э! Розей вовсе ужь не такъ безобразенъ! Толстый Фужѣ положительно добрый малый, а затѣмъ онъ не принимаетъ себя въ серіозъ, что̀ всегда очень пріятно. Люди, которые смотрятъ на себя серіозно, могутъ сдѣлаться великими политиками,—великими людьми, если хотите,—но обществу ихъ переносить довольно тяжко. Гёте сказалъ: *Wer sich selbst nicht zum Besten haben kann, gehört gewiss nicht zu den Besten.* Въ Розеѣ есть рѣчка, это меня очень удивило. Я думалъ что въ Бри есть только пруды съ тростникомъ, но безъ воды.

Вотъ что̀ я прочелъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Куртавенелѣ:

1. Два тома *Руководства Исторіи* г. Отта. Этотъ г. Оттъ демократъ школы г. Бюше, демократъ-католикъ. Этотъ внѣестественный союзъ въ состоянiи производить лишь чудовищъ.

2. Русскую исторію г. Устрялова. Какимъ образомъ очутилась эта исторія въ Куртавенелѣ? Это произведеніе никуда не годится, но оно освѣжило въ моей памяти много датъ и событій.

3. *Исторію среднихъ вѣковъ* Роттека. Невыразимо скверно. Либерализмъ легкомысленный, тошнотворный и фальшивый. Слогъ высокопарный и плоскій. Люди этого сорта кончаютъ тѣмъ что дѣлаются членами правой какого-нибудь Франкфуртскаго парламента. Я не говорю этого о Роттекѣ,—онъ умеръ,—къ счастью! Но множество людей *ejusdem farinae* * къ несчастью пережили его.

4. *Письма леди Монтегю* (писанныя въ 1717 г.). Прелестная книжка.

* Того же тѣста.

исполненная граціи, ума и искренности, и заставляющая любить ту, которая ее писала, не взирая на ея пропсхожденіе.

5) *Donna Isabel de Solis, novela hisstorica* г. Мартинеца де-ла-Роза. Я прочелъ это для упражненія въ испанскомъ языкѣ. Но пусть извинятъ меня ваши соотечественники, если вся ихъ современная литература такого же сорта. Это ребячество. Интересны только однѣ выдержки изъ лѣтописей.

6) *Исторія войны въ Испаніи съ 1807 года,* соч. генерала Сарразена. Это написано съ ясностью, но ненависть, которую этотъ Французъ питаетъ къ Французамъ, нѣсколько черезчуръ сильна, чтобы быть естественною. Генералъ С. производитъ на меня впечатлѣніе негодяя.

7) *Воспоминанія* Боссе *о Наполеонѣ.* Это произведеніе изящнаго лакея, если только лакей можетъ быть изящнымъ. Факты интересные.

8) Переводъ Виргильевыхъ *Георикъ* Делилья. Ужь не знаю кто, г. Мар-

тенъ или г. Низаръ хвалили его въ моемъ присутствіи. Я не могъ его докончить; право, это слишкомъ безцвѣтно, а затѣмъ, эти александрійскіе стихи текутъ съ отвратительною легкостью; это жидко и безвкусно какъ вода. Подлинникъ точно также не Богъ знаетъ какое чудо; вся эта латинская литература холодна и дѣланна, настоящая литература литератора.

9) *Дѣвственница* Вольтера! А знаете ли вы, что въ общемъ это очень скучно, въ особенности же та часть, которая не считается скучною. Но чудесныя выраженія, смѣлые и остроумные намеки, ѣдкія насмѣшки обнаруживаютъ великаго мастера.

10) Толстый трудъ г. Дамаса Инара о Наполеонѣ. Компиляція всѣхъ его сужденій о событіяхъ, людяхъ и предметахъ. Что̀ за великая и мощная организація этотъ Наполеонъ, что̀ за сила характера, какая послѣдовательность и какое единство въ волѣ! И вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не было человѣка, болѣе

принадлежавшаго прошедшему. Онъ всецѣло резюмируетъ прошедшее, но поворачивается спиной къ будущему, къ тому будущему, которое бьется и еще долго будетъ биться въ тѣхъ оковахъ, которыя онъ для него сковалъ. Монархія умирала въ Европѣ: онъ организовалъ власть, правительство, этотъ отвратительный призракъ, который безсиленъ что-либо произвести, пустой и глупый, со словомъ „порядокъ“ на устахъ, съ саблей въ одной рукѣ и съ золотомъ въ другой, всѣхъ насъ давитъ своими желѣзными ногами. Чортъ возьми! что̀ за восточный образъ! Отличный переходъ къ—

11. *Корану.* Я только-что началъ его читать. Въ этой книгѣ есть величіе и здравый смыслъ; но я предвижу что восточная напыщенность и неясность пророческаго языка мнѣ скоро прискучатъ.

Какъ видите, въ концѣ-концовъ я не терялъ времени, такъ какъ всѣ вышеназванныя книги я прочелъ, не перелисталъ, а прочелъ. Кстати о книгахъ,

пусть Віардо знаетъ что я привелъ въ порядокъ его библіотеку, *que es un primor*. Жанъ, * со своей стороны, только и дѣлаетъ что съ утра до ночи третъ, моетъ, чиститъ, смазываетъ масломъ, стираетъ пыль, мететъ и натираетъ полы. Ахъ! еслибы садовникъ походилъ на него!

* Лакей г. и гжи Віардо.

XVIII.

Вторникъ

Вамъ, вѣроятно, неизвѣстно, но вы это узнаете, когда я вамъ скажу, что я никогда не ложусь спать раньше полуночи. И вотъ вчера, я только-что собирался уйти изъ гостиной, я вдругъ услышалъ два глубокіе, совершенно ясные вздоха, раздавшіеся, или, вѣрнѣе, пронесшіеся какъ дуновеніе въ двухъ шагахъ отъ меня. Султанъ * давно спалъ, я былъ совершенно одинъ. Это вызвало во мнѣ легкую дрожь. Проходя по корридору, я вдругъ подумалъ о томъ, что бы я сдѣлалъ, еслибъ я почувствовалъ какъ какая-нибудь рука схватила меня за руку: и я долженъ былъ сознаться что я испустилъ бы крикъ ужаса. Положительно ночью бываешь менѣе храбрымъ чѣмъ днемъ. Я же-

* Старая охотничья собака гна Візрдо.

лалъ бы знать, боятся ли слѣпые привидѣній. Прежде чѣмъ лечь спать, я каждый вечеръ совершаю маленькую прогулку по двору. Вчера я сталъ на мостъ и сталъ прислушиваться. Вотъ различные звуки, которые я слышалъ:

Шумъ дыханія и крови въ ушахъ.

Шорохъ, неустанный шелестъ листьевъ.

Трескъ кузнечиковъ; ихъ было четыре въ деревьяхъ на дворѣ.

Рыбы производили на поверхности воды легкій шумъ, который походилъ на звуки поцѣлуя.

Время отъ времени падала капля съ серебристымъ звукомъ.

Сломалась какая-то вѣтка; кто сломалъ ее?

Вотъ глухой звукъ... что это? шаги на дорогѣ? не шепотъ ли это человѣческаго голоса?

И вдругъ тончайшее сопрано комара, которое раздается надъ вашимъ ухомъ...

Кстати о комарахъ. Они грызутъ меня на части въ этомъ году. Вотъ

уже нѣсколько дней, какъ я облеп-
ленъ ими и вслухъ царапаюсь.

Кстати; или наоборотъ, впрочемъ
это все равно. Я долженъ вамъ ска-
зать, что, найдя подъ зеленымъ ков-
ромъ фортепіано вашу толстую му-
зыкальную тетрадь, я позволилъ се-
бѣ раскрыть и пробѣжать ее. Къ
несчастью, моя правая рука не
играетъ достаточно хорошо на фор-
тепіано для того, чтобы дать мнѣ
хотя бы нѣкоторое понятіе о ме-
лодіи; тѣмъ не менѣе я пытался
разбирать нѣкоторыя вещи, кото-
рыхъ вы намъ никогда не пѣли.
Насколько я могу судить, вы во всѣ
времена были изящны; но то, что вы
дѣлали раньше, было несравненно
менѣе откровенно. Такъ, напримѣръ,
я нахожу прелестною фразу изъ
Ласточки и Узникъ: „*Hirondelle gen-
tille, qui voltige à la grille du cachot
noir, vole, vole sans crainte, autour de
cette enceinte*“. Это очень хорошо до
сихъ поръ, но „*j'aime à te voir...*“
застреваетъ у меня въ горлѣ какъ
какая-нибудь кость: сколько бы я ни

пѣлъ это грудным голосомъ, фальцетомъ, закрывъ глаза и наклонивъ голову немножко на бокъ, какъ дѣлаешь, когда желаешь судить безпристрастно: невозможно! Въ особенности это *ut* приводитъ меня въ отчаяніе. Я даже пробовалъ замѣнить его: невозможно, все также невозможно! А начало фразы такъ мило! Все равно, я предпочитаю *La Luciole*, или *Marie et Julie*, или *La nuit et le jour*. Чьи слова, озаглавленныя *Songes?* Тамъ есть три стиха, которые мнѣ очень нравятся:

Où languissante et blessée
On voit dans l'ondre glacée
Tomber la biche aux abois. *

Не знаю почему, но мнѣ такъ и кажется, что я вижу большія темныя деревья, покрытую инеемъ землю, сухіе листья въ аллеѣ и поверхность маленькаго недвижнаго прудка, лань, падающую на самомъ берегу, и прибѣгающихъ издали собакъ, радостный лай которыхъ раздается въ ясномъ

* Когда видитъ, какъ изнемогающая затравленная и раненная лань падаетъ въ холодныя волны.

и сухомъ воздухѣ.—Собираетесь ли вы компонировать въ этомъ году? Два или три раза я пытался сочинить слова, но, увы! мой Пегасъ теперь не болѣе какъ старая разбитая кляча, которая не въ состояніи ступить и шагу. Намедни я увидалъ сѣраго ворона въ поляхъ; видъ этого соотечественника волнуетъ меня; я снимаю шляпу и спрашиваю у него вѣстей о моей родинѣ. Право, я былъ почти тронутъ. Ну, вотъ, сказалъ я самому себѣ, сложимъ хорошенькіе стишки по этому поводу. Что-нибудь простое, граціозное; сочинимъ что-нибудь въ родѣ Беранже, и что же! Въ теченіе двухъ часовъ я ломалъ себѣ голову, не будучи въ состояніи сріомовать и двухъ строчекъ. Наконецъ, меня взяло отчаяніе, и вотъ чѣмъ я разрѣшился:

Corbeau, corbeau,
Tu n'est pas beau,
Mais tu viens de mon pays:
Eh bien! retourne-z-y. *

* Воронъ, воронъ, ты не красивъ, но ты изъ моей страны: ну, такъ и возвращайся туда же!

Я крайне сомнѣваюсь, чтобъ вы это положили на музыку. Роясь въ музыкальныхъ тетрадяхъ, я нашелъ двѣ тетради, въ которыхъ никакой музыки не было: это были списанныя вами русскія стихотворенія и начало грамматики. Это мнѣ все-таки показалось очень забавнымъ. Могли ли бы вы теперь прочитать то, что вы тамъ написали? Вѣдь это въ Вѣнѣ, не правда ли, съ графомъ Соллогубомъ * вы занимались этимъ?

*Vu ponimaïeté po Roussk*i? *ili oujé pozaıyli?*

А ну ка: что это значитъ?

Я болтаю сегодня какъ сорока, оставшаяся старой дѣвой... Кстати, знаете ли, я прочелъ въ письмахъ леди Монтегю, что въ Турціи молодая дѣвушка, умершая дѣвушкой, считается заслуживающею осужденія, такъ какъ женщина существуетъ на землѣ для дѣторожденія? Видите ли, хорошее и дурное, это—какъ Востокъ и Западъ: то что Востокъ здѣсь, да-

* По всей вѣроятности рѣчь идетъ о русскомъ романистѣ этого имени.

лѣе оказывается Западомъ: это, судя по той точкѣ зрѣнія, гдѣ находишься.

Итакъ, мадемуазель Антонія * сдѣлалась сегодня мадамъ Леонаръ. ** Да! вамъ теперь не придется заставлять ее за столомъ ѣсть больше, чѣмъ она желаетъ! Бывало, я не могъ удержаться, чтобы не смѣяться втихомолку, когда вы принимали строгій видъ, чтобы заставить ее доѣсть остатокъ котлетки. Гжа Полина Віардо: „Антонита, *vamos...*“— Гжа Гарсіа (съ большой торопливостью и энергіей): „*Come, come, tu no comes nada.*“ — Г. Ситчесъ *** (качая головой): „*Es menester comer, hija,*“—Мадемуазель Антонія (съ живостью): *Sea por el amor de Dios, padre.*“—Но я слишкомъ разболтался. До завтра.

Среда, вечеромъ.

Вообразите, что со мною случилось! Сегодня утромъ я намѣревался докончить эту четвертую страницу и

---

* Двоюродная сестра гжи Віардо.
** Леонаръ—знаменитый скрипачъ.
*** Братъ гжи Гарсіа.

отправить вамъ письмо (тѣмъ болѣе, что прошла уже недѣля съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ вамъ послѣдній разъ). Но вдругъ мнѣ докладываютъ о прибытіи брата г. Фужэ, который и остается здѣсь до пяти часовъ! А я то, глупый, вмѣсто того, чтобъ просто отослать вамъ это недоконченное письмо (оно и такъ уже довольно длинно), я этого не дѣлаю и откладываю до завтра. Эта четвертая страница меня задержала; почему? не сумѣю этого сказать. Какъ бы то ни было, прошу у васъ прощенья, а чтобъ доказать вамъ искренность моего раскаянія, я обязуюсь написать вамъ еще лишній листокъ! Но что я за неловкій! Я становлюсь глупымъ, честное слово! Какъ будто писать вамъ—для меня работа... Ну, вотъ, я путаюсь, сбиваюсь, пусть меня выгонятъ за дверь и чтобъ объ этомъ рѣчи больше не было. Но я возвращаюсь въ окно и продолжаю.

Начинаю съ того, что тысячу разъ благодарю васъ за ваше прелестное письмо; я его читалъ и перечиты-

валъ. Признаюсь, что я не прочь былъ бы видѣть, какъ вы исполняете Федесу по-италіянски; но когда человѣкъ бѣденъ какъ Іовъ, нельзя думать объ экскурсіяхъ въ Англію.

А! Г. Луи Бланъ... да это прелестный человѣкъ, и я снова перечитаю его книги. Итакъ, Федеса вознесена до облаковъ, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Я этому очень радъ, честное слово... Постойте, я сейчасъ встану и подпрыгну въ знакъ радости. Такъ и сдѣлано.

Вы такъ добры, что спрашиваете меня о моемъ здоровьѣ; я чувствую себя прекрасно и молю Бога хранить васъ! О, да! будьте здоровы, счастливы, веселы, довольны! Будьте восхваляемы, любимы, прославляемы: я знаю что все это такъ и есть, но это не мѣшаетъ мнѣ доставить себѣ удовольствіе пожелать вамъ этого...

Постойте: я пересчиталъ вамъ всѣ произведенія, которыя я прочелъ; но вы, можетъ-быть, спросите меня, только ли я и дѣлалъ, что читалъ. Сударыня, я сочинилъ одноактную

комедію; * сударыня, клянусь вамъ тѣнями моихъ предковъ, которые, по всей вѣроятности, были уродливы какъ козлы и вонючи какъ обезьяны, что я написалъ, переписалъ и отправилъ одноактную комедію, комедію въ пятьдесятъ страницъ! А переводъ? скажете вы **. Ахъ, ну вотъ! Вообразите себѣ, что уѣзжая въ Куртавенель, вмѣсто тетради, въ которой находится моя первая комедія, я захватилъ совсѣмъ другую тетрадь! Даже, признаюсь вамъ, это было *второю* причиной моей поѣздки въ Парижъ; я желалъ захватить настоящую тетрадь. Но, къ моему великому изумленію, я узналъ, въ улицѣ Лафитъ, № 11, что гжа Ситчесъ увезла съ собою въ Брюссель ключи отъ сво-

* *Завтракъ у предводителя*, единственная комедія Тургенева, помѣченная 1849 г.

** По всей вѣроятности, намекъ на переводъ, сдѣланный авторомъ въ сотрудничествѣ Луи Віардо двухъактной комедіи *Нахлѣбникъ*, написанной въ 1848 г. и появившейся по-французски подъ первоначальнымъ названіемъ *Le pain d'autrui* (*Чужой хлѣбъ*) въ книжкѣ: *Scènes de la vie russe* (*Сцены изъ русской жизни*). Paris, 1858.

его помѣщенія, такъ что пришлось пробродить цѣлый день въ своей сѣрой шляпѣ, что̀ вызывало улыбку у прохожихъ, принимавшихъ меня за стараго разжирѣвшаго ученика-живописца (gapin). Не имѣя тетрадки, я не могу дѣлать перевода; но черезъ пять, шесть дней,—послѣ возвращенія гжи Ситчесъ,—я отправлюсь на сутки въ Парижъ и привезу съ собою тетрадь. Я съѣздилъ бы въ Парижъ только изъ-за этого, но у меня были тамъ и другія дѣла.

А мои деньги, которыя упорно продолжаютъ не присылать мнѣ!

Возвращаясь къ брату г. Фужэ, долженъ признаться что никто не томилъ мнѣ столько душу, какъ онъ; онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ мнѣ наизусть говорить отрывки изъ Руссо и Ла-Брюйера. „Замѣтьте-ка,—говорилъ онъ мнѣ,—вотъ эту фразу: „Тронъ не былъ достоинъ ея“; и онъ повторялъ ее разъ сорокъ. „Вотъ идея; знаешь что думать. Вотъ, наконецъ, идея. Вотъ идея“. Въ концѣ концовъ я началъ договаривать

за него его фразы, но онъ опять начиналъ сызнова. Зачѣмъ только стараться быть настолько глупымъ! Правда, я думаю что никто не бываетъ естественно глупъ. Но при стараніи можно всего достигнуть. Я почуялъ моментъ, когда онъ вздумаетъ остаться обѣдать. Вѣдь я тоже обѣдаю, знаете ли? Какъ? право, не знаю. Но я обѣдаю, и весьма хорошо. Надѣюсь когда-нибудь я это узнаю, когда у меня будутъ деньги. Скажите: вашъ костюмъ Фидесы (я не говорю о самомъ первомъ) все тотъ же, что̀ и въ Парижѣ, не такъ ли?

Вы правы въ томъ что говорите о своемъ бюстѣ; тѣмъ не менѣе талантливый скульпторъ могъ бы создать изъ него прекрасную вещь. Если въ Лондонѣ дѣлаютъ литографіи или гравюры Фидесы, то привезите ихъ съ собою. Я былъ бы весьма радъ получить письмо отъ Чорлея. * *А вы очень добры*, говоря мнѣ то, что̀ вы мнѣ говорите.

* Музыкальный критикъ лондонскаго *Athenaeum*'а.

Четвергъ.

Сегодня ночью была гроза съ сильными громовыми ударами, листва деревьевъ еще находится въ полномъ смятеніи, выражаясь языкомъ Шенье; воздухъ освѣженъ и чрезвычайно пріятенъ. Я ожидаю сегодня полученія письма отъ гна и гжи Ситчесъ съ извѣстіемъ объ ихъ пріѣздѣ. Куртавенель никогда не бываетъ такимъ чистымъ, благодаря отеческимъ попеченіямъ Жана. Повидимому, мадемуазель Берта * также пріѣдетъ.

Довольно крупный зайчикъ третьяго дня утонулъ въ каналахъ. Какъ и почему? Отвѣтить на это невозможно. Не совершилъ ли онъ самоубійства? А между тѣмъ въ его возрастѣ еще вѣрится въ счастье. Впрочемъ, повидимому, наблюдались приметы самоубійства и у животныхъ. Кажется, какая-то собака намѣренно утопилась въ Англіи,—но въ Англіи это понятно. Впрочемъ, мнѣ не

* Belle-soeur гжи Віардо.

слѣдовало бы злословить этой страны; кажется, васъ любятъ тамъ. Имя гжи Джемсонъ мнѣ знакомо; кажется, она пишетъ историческіе романы. Не находите ли вы, что нижеслѣдующее замѣчаніе, сдѣланное леди Монтегю въ 1717 г. въ Парижѣ справедливо еще и сейчасъ:

„*Very commonly the entrance of a gentleman or a lady into a room is accompanied with a grin which is designed to express complacence and social pleasure, but really shews nothing more than a certain contortion of muscles that must make a stranger laugh. Th. French grin is equally remote from the chearfur serenity of a smile and the cordial mirth of an honest English horse-laugh.*“ *

* Обыкновенно появленіе какого-нибудь господина или какой-нибудь дамы въ комнатѣ встрѣчаютъ усмѣшкой, которая должна выражать радость и всеобщее удовольствіе, но въ сущности не выражаетъ ничего иного, кромѣ извѣстнаго сокращенія мускуловъ, которое должно вызывать смѣхъ у посторонняго лица. Французская усмѣшка одинаково далека и отъ ясности улыбки, и отъ добродушной веселости честнаго англійскаго лошадинаго смѣха.

То же можно наблюдать, когда два человѣка прощаются или встрѣчаются на улицѣ; внезапная перемѣна наружности меня всегда поражаетъ. Впрочемъ, всѣ это дѣлаютъ (за исключеніемъ Англичанъ), я, первый, дѣлаю это. А взгляните ка, что̀ можетъ сдѣлать вліяніе человѣка! Собака, наиболѣе испорченное имъ животное, кончила тѣмъ, что переняла эти дѣланныя и смѣшныя врпвлянія; я убѣжденъ, что манера ихъ встрѣчаться между собою, вовсе не свойственна ихъ природѣ; это—плодъ цивилизаціи. Но подражатели всегда склонны пересаливать: вмѣсто того, чтобы улыбнуться, показавъ зубы и прищуривъ глаза, они... но мнѣ нѣтъ надобности доканчивать; вспомните смѣлый рисунокъ вашего брата.

Кстати, о вашемъ братѣ. Скажите ему что я очень крѣпко жму его руку. Особенно же скажите ему, что слѣдуетъ быть въ хорошемъ настроеніи духа, хотя бы только ради здоровья, развѣ только время отъ времени можно сломать какую - нибудь

мебель. Знаетъ ли онъ уже *speak English*? А нѣмецкій языкъ? Вѣроятно, онъ ужъ его бросилъ. А то я сказалъ бы ему, что недаромъ говорится *Gold verdienen*; потому, что *verdienen* происходитъ отъ *dienen*. *

Ежедневно передъ обѣдомъ я совершаю большую прогулку въ сопровожденіи Султана. Я очень боюсь, что въ нынѣшнемъ году будетъ меньше дичи, чѣмъ въ прошлые года. Сильные дожди въ іюнѣ мѣсяцѣ очень повредили высиживанію птенчиковъ. Я часто нахожу пары куропатокъ безъ птенцовъ. Знаете ли вы, что куропатки отлично разыгрываютъ комедіи? Онѣ отлично умѣютъ притворяться, будто онѣ ранены, будто онѣ насилу летаютъ, онѣ кричатъ, онѣ пищатъ, и все это, чтобы заманить за собою собаку и отвлечь ее отъ мѣста, гдѣ находятся ихъ птенцы. Материнская любовь третьяго дня чуть не обошлась очень дорого одной изъ нихъ: она такъ пре-

* Зарабатывать деньги (или золото), *verdienen*—зарабатывать; *dienen*—служить.

восходно сыграла свою роль, что Султанъ схватилъ ее. Но такъ какъ онъ *perfect gentleman*, то онъ только смочилъ ее своею слюной и вырвалъ у нея нѣсколько перьевъ; я возвратилъ свободу этой отважной матери и слишкомъ хорошей актрисѣ. А все-таки что̀ значитъ театръ! Вотъ актеръ, который меня трогаетъ, который заставляетъ меня плавать, начинаетъ плакать самъ и, можетъ быть, заставитъ меня смѣяться. А, между тѣмъ, если онъ только *играетъ*, только *притворяется*, я не думаю, чтобъ онъ могъ совсѣмъ растрогать меня: повидимому, здѣсь необходимо извѣстное соединеніе природы и искусства... Вы должны это знать. Нѣтъ, вы этого не знаете, или, по крайней мѣрѣ, вы не сумѣли бы этого объяснить, несмотря на то, что вы „*the subtlest tragedian of the world*“. * Положительно, люди дѣлаютъ только то очень хорошо, въ чемъ они себѣ не могутъ дать отчета; вотъ поэтому-то вамъ

* Самый *тонкій* трагикъ въ мірѣ.

и приходится гоняться за самой собою. Доводя это правило до парадокса, можно сказать, что для того, чтобъ что-нибудь хорошо сдѣлать, не надобно этого понимать.

Почтальонъ пришелъ, а письма изъ Парижа нѣтъ. Стало-быть до завтра. А затѣмъ кланяюсь вамъ всѣмъ, сколько васъ есть, начиная съ Віардо. Да благословитъ и да хранитъ васъ Господь. Сердечно жму вамъ руку. До свиданія.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XIX.

Куртавенель, въ четвергъ утромъ 12 іюля 1849 г.

Итакъ, я въ Куртаневелѣ подъ вашимъ кровомъ! Мы прибыли сюда вчера вечеромъ, при чудной погодѣ. Небо было восхитительно ясно. Листья на деревьяхъ одновременно отливали и металлическимъ, и маслянистымъ блескомъ, медунка казалась вся въ завиткахъ подъ косыми красными лучами солнца. Стая ласточекъ рѣяла надъ Розейскою церковью; онѣ поминутно садились на чугунныя перекладины креста, старательно повертываясь своею бѣлою грудкой къ свѣту. Я надѣялся на письмо и посматривалъ вдоль улицы, чтобъ увидать не несетъ ли его мнѣ почтальйонъ. Но прибыли только одни газеты.

Куртаневель мнѣ представляется довольно соннымъ; маленькія дорожки во дворѣ поросли травой; воздухъ въ комнатахъ былъ сильно охрипшій (увѣряю васъ) и въ дурномъ расположеніи духа; мы его разбудили. Я распахнулъ окна, я билъ по стѣнамъ, какъ, я видѣлъ, однажды дѣлали вы; я успокоилъ Кирасира,* который по своей привычкѣ, бросился на насъ съ яростью гіены, и, когда мы сѣли за столъ, домъ уже снова принялъ свой благодушный и радушный видъ. Сегодня утромъ паркъ смотритъ веселѣе чѣмъ когда бы то ни было, и тростникъ въ оврагѣ качается также пріятно какъ и всегда, нимало не помышляя о томъ что скоро онъ будетъ безжалостно вырванъ, и пепелъ его разметанъ по вѣтру. Вѣстовой уже получилъ распоряженія относительно лодки. Итакъ, я снова въ Куртавенелѣ и, начиная съ послѣзавтра, останусь здѣсь совсѣмъ одинъ

* Сторожевая собака.

съ Вероникой.* Ужь не жениться ли мнѣ на ней чтобы вознаградить ее за ея услуги, принимая во вниманіе что всякая иная монета въ настоящее время для меня только одна химера?

Я хочу работать, увѣряю васъ, что я хочу работать. Сегодня мы отправляемся въ г. Ситчесомъ удить линей въ Мезонфлёръ.** Мы сядемъ въ тѣни большаго дуба и, само собою разумѣется, будемъ много думать о васъ. Что вы дѣлаете въ настоящую минуту? По всей вѣроятности, вы готовитесь чтобы пѣть. Я ожидаю, мы ожидаемъ письма сегодня; мы всѣ нетерпѣливо жаждемъ узнать что-нибудь рѣшительное касательно *Пророка*.

Скажите, не восхищаетесь ли вы прекраснымъ большимъ листомъ бумаги который я взялъ чтобы вамъ писать? А? Писали ли вы когда-нибудь мнѣ на подобной бумагѣ?

---

* Старуха-кухарка гжи Віардо.
** Маленькій лѣсокъ неподалеку отъ Куртавенеля.

Не знаю что̀ со мной, но я чувствую себя хвастливымъ... а въ сущности я совсѣмъ маленькій мальчуганъ, я поджалъ хвостъ и сижу себѣ скромнехонько, какъ собаченка которая сознаетъ что надъ нею смѣются, и которая неопредѣленно глядитъ въ сторону, прищуривъ глаза какъ бы отъ солнца; вѣрнѣе, я немножко грустенъ я меланхоличенъ, но это пустяки, и все-таки очень доволенъ тѣмъ что я въ Куртавенелѣ; обои цвѣта зеленой ивы въ моей комнатѣ радуютъ мой взоръ, и я все-таки очень доволенъ. Но за письмо я снова примусь позднѣе.

5 часовъ.

Мы возвращаемся съ рыбной ловли съ пятьюдесятью линями. Мы получили вашу маленькую записочку. Это утомленіе скоро пройдетъ... Но мы? неужели же возможно что *Пророка* не будутъ ставить? Признаюсь, это огорчило бы меня, не изъ-за денегъ, которыя бы вы потеряли, но изъ-за того что это могло бы имѣть видъ отступленія предъ успѣхомъ мадемуазель Зонтагъ... Однако, по-

смотримъ. Будьте здоровы, вотъ главное. Я не расположенъ писать; будемъ сейчасъ обѣдать; погода прелестная. До завтра.

Пятница, 9 часовъ утра.

Вотъ что̀ значитъ откладывать. Почтальйонъ пришелъ сегодня такъ рано что засталъ меня въ постели. Пишу вамъ нѣсколько словъ на-скоро. Сообщенныя вами извѣстія далеко не хорошія; какъ бы то ни было, вамъ сопутствуютъ всѣ мои пожеланія. Лодка будетъ здѣсь послѣзавтра. Прилагаю при семъ бумагу для Віардо. Снова засяду за письмо сегодня вечеромъ, сію же минуту, за огромное письмо; и съ како̀й стати пришелъ почтальйонъ такъ рано? Ради Бога, берегите ваше драгоцѣнное здоровье! Куртавенель очарователенъ, мы будемъ содержать его въ самомъ кокетливомъ въ мірѣ видѣ. Я буду работать какъ негръ; переводъ вы имѣть будете.

До свиданья, кланяюсь всѣмъ и остаюсь всегда преданный вамъ.

Ив. Тургеневъ.

XX.

F

Куртавенель, суббота 14 іюля 1849 г.

Здравствуйте, сударыня *und liebe Freundin.*

Погода попрежнему превосходная. Мы всѣ вполнѣ здоровы и много думаемъ о васъ; вотъ все что̀ есть новаго въ Куртавенелѣ. То что̀ вы намъ говорите о *Пророкѣ* заставило насъ сильно призадуматься... Мы разговаривали объ этомъ между собою съ большою серіозностью. Со своей стороны я думаю что васъ заставятъ пѣть его разъ двѣнадцать, и что вы не вернетесь такъ скоро какъ говорите; клянусь вамъ, я желаю этого отъ всего сердца; вы способны этому не повѣрить, но я васъ завѣряю въ этомъ. Надобно чтобы вы заставили бѣгать за собою Ан-

глпчанъ; надобно чтобъ они апплодировали вамъ такъ чтобы не трещало, чтобъ они говорили своимъ горловымъ голосомъ: *She is wonderful; quiti extraordinary. Oh yes, oh yes.* * Все это необходимо, и когда вы вернетесь въ Куртавенель послѣ всѣхъ вашихъ тріумфовъ, вы будете вдвойнѣ наслаждаться и чудною погодой, и чистотой вашихъ каналовъ, и извѣстнымъ вамъ знаменитымъ переводомъ... Вотъ что я называю говорить языкомъ разума.

Спасибо за ваше прелестное описаніе Линды. Надобно, знаете ли, чтобы вы затмили эту историческую звѣзду, эту стародавнюю славу; впрочемъ, я никогда не слыхалъ ея.

Вчера, послѣ ужина, происходилъ въ высшей степени пылкій политическій споръ между домомъ Пабло ** и его супругой... Она нападала на Эспартеро ***, онъ же довольно плохо защищалъ его, все больше въ родѣ

* Она восхитительна; совсѣмъ удивительна. О, да! о, да!

** Г. Ситчесъ.

*** Испанскій генералъ.

Que sabes tu! et Calla, majadera, чѣмъ какими-либо основательными данными... Но маленькая супруга была чрезвычайно грязна... Знаете ли вы что вашъ дядюшка большой баловень? Онъ намѣренъ ѣхать послѣ завтра, и я останусь одинъ.

Странно, одинъ въ Куртавенелѣ, въ этомъ большомъ домѣ... Мы подождемъ завтра Жана.

Всѣ эти дни погода была прекрасная, но дулъ сильный вѣтеръ, который временами еще болѣе усиливался и дулъ съ упорствомъ. Движеніе, которое онъ вызывалъ въ листвѣ, было весьма красиво у тополей; они очень гордо сверкали на солнцѣ. Надобно вамъ сказать что я замѣтилъ одну вещь, а именно, что неподвижный тополь имѣетъ видъ школьника и видъ весьма глупый, развѣ только кромѣ вечера, на розовомъ фонѣ неба, когда листья кажутся почти черными... но въ такомъ случаѣ все должно быть тихо, только листьямъ на верхушкахъ деревьевъ разрѣшается чуть-чуть шевелиться.

Кстати, я забавлялся тѣмъ что разыскивалъ въ окрестностяхъ деревья которыя имѣли бы физіономію, индивидуальность, и давалъ имъ имена; по вашемъ возвращеніи я могу вамъ ихъ показать, если вы того пожелаете. Каштановое дерево, что̀ во дворѣ, я прозвалъ *Германомъ* и подыскиваю ему *Доротею*. Въ Мезонфлёрѣ есть береза, которая очень похожа на *Гретхенъ*; одинъ дубъ окрещенъ *Гомеромъ*, одинъ вязъ—*любезнымъ негодяемъ*, другой—*встревоженною добродѣтелью*, одна ива названа *гжой Вандерборгъ*.

Понедѣльникъ, 16.

Мы ожидали полученія писемъ сегодня, но нѣтъ.

Это заставляетъ насъ предполагать что, вѣроятно, начались репетиціи, и что вы не желаете намъ писать пока не будетъ чего-нибудь рѣшительнаго. Ваше здоровье совсѣмъ и вполнѣ возстановилось, не такъ ли?

Г. и г-жа Ситчесъ уѣзжаютъ только завтра. Жанъ прибылъ вчера

вмѣстѣ съ *Комоpосомъ*. * Сегодня утромъ мы всѣ поднялись въ три часа, чтобъ идти удить. Мы вдвоемъ выудили 118 рыбъ. Г. Ситчесъ 80, я 38. Мы видѣли какъ солнце вставало изъ-за лѣса. Можно не быть добродѣтельнымъ и находить удовольствіе смотрѣть на восходъ солнца. Было прелестное мгновеніе; мы находились у дуба слѣва; я поднимаю глаза, онъ былъ освѣщенъ снизу, такъ какъ солнце было еще очень низко. Это было очень красиво и очень своеобразно. Это продолжалось всего одно мгновеніе.. Вообще я нахожу что въ освѣщенныхъ деревьяхъ есть что-то фантастическое и таинственное, что говоритъ воображенію. Вотъ почему я очень люблю иллюминаціи въ садахъ. Ну, довольно, однако, говорить о деревьяхъ.

Лодка прибыла! Она менѣе элегантна нежели я думалъ; но она не дурна. Я только-что упражнялся въ

---

* Старая лошадь г. и гжи Віардо.

двухчасовой греблѣ... начинаю привыкать. Какъ и при плаваніи, нужны движенія правильныя и не рѣзкія... Я пять разъ обвезъ г. и гжу Ситчесъ вокругъ по каналамъ; потомъ я катал Султана, который, повидимому, не особенно наслаждался этою забавой. Впрочемъ, онъ здоровъ, толстъ и жиренъ. Вероника не можетъ его видѣть чтобы не говорить что онъ воръ, но онъ дѣлаетъ видъ что не понимаетъ ея. Я очень люблю наводить ее на эту тему, когда онъ тутъ. По его лицу, по той скромной манерѣ какъ онъ садится, какъ онъ наполовину отворачиваетъ голову, какъ онъ незамѣтно повиливаетъ хвостомъ, когда его вовсе не зовутъ, видно что онъ отлично сознаетъ о чемъ идетъ рѣчь.

„Видите, сударь, говоритъ мнѣ съ большимъ воодушевленіемъ Вероника,—видите какой онъ принимаетъ на себя видъ не тронь меня, а песъ этотъ воръ, очень большой воръ, и сколько бы ему это ни говорили, онъ даже не краснѣетъ (подлинное

выраженіе); да ужь и хитеръ же этотъ песъ! куда какъ хитеръ!“

Тогда я обращаюсь къ Султану и повторяю ему рѣчь Вероники, но онъ и ухомъ не ведетъ.

— Вы напрасно стараетесь, сударь, продолжаетъ Веронпка,— у этого пса совѣсти нѣтъ.

Во время моихъ прогулокъ я его запускаю въ медунку; третьяго дня онъ схватигъ куропатку на гнѣздѣ. Не дѣлая ей вреда, я отнялъ ее у него и выпустилъ на свободу. Здоровье всѣхъ прочихъ животныхъ въ домѣ, обезьянъ, птицъ, кошки, превосходно.

А завтра великое истребленіе камыша. Завтра я остаюсь въ одиночествѣ съ Вероникой и Жаномъ. Жанъ будетъ мнѣ помогать въ великомъ дѣлѣ истребленія. До завтра!

Вторникъ, 17.

Г. и гжа Ситчесъ уѣхали сегодня утромъ въ Парижъ. Но крестовый походъ противъ камыша отложенъ до завтра, по просьбѣ Жана, у кото-

раго было много дѣла сегодня. И вотъ я одинъ; скучать я не буду, я въ этомъ увѣренъ. Я буду работать много, да! очень много. Сегодня, напримѣръ, я ничего не дѣлалъ, пробродилъ весь день... но завтра! Я весьма надѣюсь получить письмо завтра.

Среда, 18.

Нѣтъ, писемъ нѣтъ... Почему?.. Не получаю я также англійскихъ газетъ. Я былъ слишкомъ простодушенъ подписавшись на нихъ. Терпѣніе! слѣдуетъ надѣется что все благополучно. Почтальйонъ ждетъ, онъ опять пришелъ часомъ раньше; мнѣ надобно кончить это письмо. Тысячу дружескихъ поклоновъ Віардо, Маніоэлю *, всѣмъ.

Съ большою любовью жму вамъ руки, и да хранитъ васъ небо.

Будьте счастливы и здоровы. Прощайте.

Ив. Тургеневъ.

---

* Братъ жи Віардо.

XXI.

Куртавенель, суббота, 28 іюля 49 года.

Добрый вечеръ, сударыня, *guten Abend, theuerste Freundin.*

Половина одинадцатаго вечера.— Я пишу эти слова съ нѣкоторою гордостью. Какъ видите, мы не съ курами ложимся спать. Я только что сдѣлалъ прогулку въ паркѣ. Ночь прекрасная, звѣздъ невѣроятное количество. Крупныя звѣзды, которыя свѣтятся голубымъ свѣтомъ и какъ будто мигаютъ, красиво высятся надъ вершинами тополей, между тѣмъ какъ луна просвѣчиваетъ сквозь черныя вѣтви...

Вы сейчасъ поете, такъ какъ я полагаю что *Пророка* будутъ давать по три раза на недѣлѣ; вы увидите что вашъ успѣхъ будетъ только все

расти и становиться все прекраснѣе, какъ Парижъ. Надѣюсь что ваши сотрудники теперь держатся лучше.

Возвращаюсь къ моимъ звѣздамъ; вы знаете что нѣтъ ничего заурядиѣе выраженія будто онѣ внушаютъ религіозныя чувства; по крайней мѣрѣ это можно встрѣтить во всѣхъ воспитательныхъ книжкахъ.

Но, увѣряю васъ, что вовсе не такое дѣйствіе производятъ онѣ на того, кто смотритъ на нихъ просто, безъ заранѣе предвзятаго взгляда. Тысячи міровъ, въ изобиліи разбросанные по самымъ отдаленнымъ глубинамъ пространства, суть не что иное, какъ безконечное разлитіе жизни, той жизни, которая обнимаетъ все, проникаетъ всюду, заставляетъ безъ цѣли и надобности зарождаться цѣлый міръ растеній и насѣкомыхъ въ какой-нибудь каплѣ воды. Это произведеніе непреодолимаго, невольнаго, инстинктивнаго движенія, которое не можетъ поступать иначе; это не есть творчество обдуманное.

Но что такое эта жизнь? А! Я ни-

чего объ этомъ не знаю, но знаю что въ данную минуту она все, она въ полномъ разцвѣтѣ, въ полной силѣ; не знаю долго ли это будетъ продолжаться, но въ данную минуту это такъ: она заставляетъ кровь обращаться въ моихъ жилахъ, безо всякого съ моей стороны къ тому воздѣйствія, и она же заставляетъ звѣзды появляться на небѣ, какъ прыщи на кожѣ, и это ей ничего не стоитъ, и нѣтъ ей въ томъ большой заслуги.

Уфъ! вотъ такъ спекулятивная философія! Я не хочу перечитывать моего царапанья! Встряхнемся и перейдемъ къ чему-нибудь другому. Однако, думаю, не продолжать ли мнѣ завтра! А пока, да благословитъ васъ Богъ, или да будетъ къ Вамъ Жизнь благосклонна; но во всякомъ случаѣ будьте счастливы и здоровы.

Воскресенье, вечеромъ.

Сегодня была великолѣпная погода. Я провелъ почти весь день на воздухѣ; я плавалъ по каналамъ.

Кстати! Вы, можетъ быть, удивляетесь тому, что я могъ съѣздить въ

Парижъ, принимая во вниманіе состояніе моего кошелька; но дѣло въ томъ, что гжа Ситчесъ, уѣзжая, оставила мнѣ тридцать франковъ, изъ которыхъ двадцать-шесть и исчезло. Впрочемъ, я живу здѣсь, какъ въ очарованномъ замкѣ; меня кормятъ, меня моютъ; что̀ больше нужно для одинокаго человѣка?

Надѣюсь что этотъ денежный неурожай скоро окончится и что въ концѣ концовъ тамъ скажутъ себѣ: однако! да чѣмъ же онъ тамъ существуетъ?

Я, право, много работалъ эти дни. Я покажу вамъ листки, по вашемъ возвращеніи. Я ни минуты не скучаю, положительно я веду жизнь весьма пріятную.

Понедѣльникъ.

Сегодня, однако, погода нѣсколько менѣе пріятна... Представьте себѣ что во весь день шелъ дождь ни на секунду ни останавливаясь. Что̀ вы на это скажете? Дождь все шелъ, шелъ; прямо и часто, сплошною массой, даже и до сихъ поръ онъ

идетъ. Теперь одиннадцать часовъ ночи. Да, сударыня, одиннадцать часовъ! Я слышу какъ желобъ изрыгаетъ цѣлые потоки въ каналы. Но въ качествѣ вознагражденія я получилъ сегодня изъ Парижа *Musical World* и *Britannia*, гдѣ нашелъ статьи о *Пророкѣ* и читалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ. Если вы будете посылать мнѣ *Illustrated* подъ бандеролью, то пришлите также и номеръ *Athenaeum'a*. (Кстати, тысячу любезностей Чорлею).

Покойной ночи, иду спать.

Вторникъ, 31 іюля.

Опять этотъ проклятый почталіонъ осмѣливается являться въ половинѣ девятаго утра! Чтобъ чортъ его побралъ! Тѣмъ не менѣе мнѣ хотѣлось бы быстро окончить эту страничку.

Что бы такое вамъ сказать? Что дождя нѣтъ, что я очень часто думаю о васъ, что Куртавенель сейчасъ имѣетъ весьма милый и весьма чистый видъ, что Жанъ третъ, чиститъ, моетъ и мететъ всюду, что всѣ жи-

вотныя въ домѣ здоровы, въ томъ числѣ и вашъ покорный слуга, что я жду завтра письма, что я вамъ желаю здоровья, счастья и веселья, что я молю Бога тысячу разъ благословить васъ, а васъ молю простить мнѣ такое безтолковое письмо, что я весьма дружески кланяюсь Віардо и друзьямъ, и что я остаюсь навѣки вашъ

Тургеневъ.

XXII.

Куртавенель, суббота, 11 августа 1849 года

Здравствуйте! Ну вотъ, я продолжаю все одинъ оставаться въ Куртавенелѣ и только что получилъ отъ мадемуазель Берты письмо, въ которомъ она говоритъ мнѣ что со дня на день *ждетъ* пріѣзда г. и гжи Ситчесъ. Надѣюсь что гжа Гарсіа пріѣдетъ сюда; что ей дѣлать одной въ Брюсселѣ?

Воскресенье.

Со вчерашняго дня я сдѣлался матерью, мнѣ теперь вѣдомы радости материнства, у меня есть семья! У меня три прелестные крошечные близнеца, кроткіе, ласковые, милые, которыхъ я самъ кормлю и за которыми я хожу съ истиннымъ

наслажденіемъ. Это три крошечные зайченка, которыхъ я купилъ у одного крестьянина. Чтобъ пріобрѣсти ихъ, я отдалъ мой послѣдній франкъ!

Вы не можете себѣ вообразить какіе они хорошенькія и какіе они ручные. Они уже начинаютъ покусывать листья латуха, которые я имъ подаю, но главная ихъ пища—молоко. У нихъ такой невинный и такой уморительный видъ, когда они поднимаютъ свои маленькія ушки! Я ихъ держу въ клѣткѣ, въ которой мы помѣщали ежа. Они идутъ ко мнѣ, какъ только я имъ протяну руки; они лазятъ по мнѣ, роются въ моей бородѣ своими маленькими мордочками, украшенными длинными усами. А затѣмъ они такіе чистенькіе, такъ милы всѣ ихъ движенія! Особенно у одного изъ нихъ, у самаго толстаго, видъ такой важный, что можно умереть со смѣху.

Повидимому, я сдѣлался не только матерью, но и старухой, потому что твержу все одно и то же. Къ несчастью, они будутъ уже довольно

велики къ вашему пріѣзду; они уже отчасти лишатся своей граціи. Во всякомъ случаѣ я постараюсь чтобъ они сдѣлали честь моему воспитанію.

Я вчера обѣдалъ у Фужѐ. Ну, его братъ вовсе не такъ скученъ, какъ я это думалъ; онъ становится менѣе скучнымъ, когда его больше знаешь, что̀ утѣшительно. Фужѐ отличный малый; онъ родился дѣдушкой... А онъ не женатъ! Я и поѣхалъ, и вернулся на спинѣ Коморна, у котораго ноги для его лѣтъ еще очень тверды. Въ лѣсу Бландюро было совсѣмъ темно. (Я вернулся въ девять часовъ).

Понедѣльникъ.

Мнѣ этой ночью приснился весьма странный сонъ, какъ это иногда со мною бываетъ; я вамъ его сейчасъ разскажу.

Мнѣ казалось что я иду вдоль дороги, обсаженной тополями. Было темно, я былъ очень утомленъ, а для того чтобы добраться до крова надобно было пропѣть пятьсотъ разъ подъ рядъ: *A la voix de ta mère...* Я то-

ропился покончить эту задачу и сбивался со счету; вы знаете, какъ упорствуешь во снѣ. Вдругъ я вижу что на меня идетъ какая то высокая бѣлая фигура и дѣлаетъ мнѣ знакъ слѣдовать за нею; я думаю про себя: каково, вѣдь это мой братъ Анатоль (а у меня никогда не было брата, носившаго это имя). Я нахожу это вполнѣ естественнымъ и слѣдую за нимъ.

Нѣсколько мгновеній спустя, мнѣ кажется что мы находимся на сильномъ вѣтру; я осматриваюсь кругомъ и, несмотря на темноту, могу различить что мы находимся на вершинѣ чрезвычайно высокаго утеса, поднимающагося надъ моремъ. Да куда же мы идемъ? спрашиваю я у своего путеводителя.—Мы птицы, отвѣчаетъ онъ, летимъ.—Какъ птицы? возражаю я.—Высморкайтесь, говоритъ онъ. Дѣйствительно, я хочу высморкаться и нахожу посрединѣ моего лица огромный птичій клювъ съ зобомъ подъ нимъ, какъ у пеликана.

Но въ это мгновеніе меня подхватываетъ вѣтеръ. Не могу вамъ пе-

редать тотъ трепетъ счастья, который я почувствовалъ, развертывая свои широкія крылья; я поднялся кверху противъ вѣтра, испустивъ громкій побѣдоносный крикъ, а затѣмъ я сталъ спускаться внизъ къ морю, порывисто разсѣкая воздухъ, какъ это дѣлаютъ чайки. Въ эту минуту я былъ птицей, увѣряю васъ, и сейчасъ, какъ я пишу вамъ, я помню эти ощущенія птицы не хуже чѣмъ вчерашній обѣдъ: все это точно и ясно не только въ воспоминаніи моего мозга, если только такъ можно выразиться, но и въ воспоминаніи всего моего тѣла, что̀ доказываетъ что „*la vida es sueno, y el sueno es la vida*“ *.

Но что̀ я не сумѣю вамъ описать, такъ это зрѣлище, развертывавшееся вокругъ меня въ то время, какъ я такъ парилъ въ воздухѣ: это̀ было море, безпредѣльное, бурное, мрачное, со свѣтлыми точками; тамъ и сямъ едва за-

* Жизнь есть сонъ, а сонъ есть жизнь.

мѣтныя суда скользили по волнамъ; поднимались высокія утесы, порою до меня долеталъ какой то громкій шумъ; я спускался. Ревъ становился яснѣе и страшилъ меня; я снова поднимался къ облакамъ, которыя, какъ мнѣ казалось, неслись съ грохотомъ, гонимыя вѣтромъ. По временамъ, огромный, совсѣмъ бѣлый снопъ устремлялся кверху изъ морской глубины, и я чувствовалъ какъ мнѣ обдаетъ пѣной лицо; потомъ вдругъ рѣзкій свѣтъ сверкалъ вдали, внизу подо мной... А! думалъ я, это морская молнія (!) открытая Галилеемъ... Она не сверкаетъ такъ быстро, какъ молнія воздушная, потому что вода тяжелѣе и сквозь нее проникать труднѣе.

При блескѣ этой молніи я видѣлъ море, освѣщенное до самаго дна; я видѣлъ большихъ черныхъ рыбъ съ большими головами, видѣлъ какъ онѣ медленно всплываютъ на поверхность... Я говорилъ себѣ что мнѣ надобно устремиться на нихъ, потому что онѣ составляютъ мою пищу.

Но я ощущалъ таинственный страхъ, который мнѣ мѣшалъ это сдѣлать... И затѣмъ онѣ были черезъ чуръ велики.

Вдругъ я вижу что море бѣлѣетъ, движется, какъ вода, которая кипитъ; вокругъ меня распространяется розоватый отблескъ... Это солнце встаетъ, говорю я себѣ, скорѣе, бѣжимъ, оно все сожжетъ. Но сколько я ни бросался то въ ту, то въ другую сторону, все становилось яркимъ, сверкающимъ, невыносимымъ для глазъ; блестящіе большіе шары поднимались въ воздухѣ, я ощущалъ удушливую жару, мои перья начинали подпализаться. Я вижу верхушку солнечнаго диска, захватившаго весь горизонтъ и пылающаго какъ горнило, меня охватываетъ невыносимая тревога—и я просыпаюсь. Было уже свѣтло; я видѣлъ передъ собою зеленые обои, цвѣта ивы, моей комнаты и не могъ еще сообразить, гдѣ я нахожусь...

Но позволительно ли описывать столь пространно сонъ? Вы будете

смѣяться надо мною и будете правы. Правда, изобилія предметовъ для описанія въ Куртавенелѣ нѣтъ.

Понедѣльникъ, вечеромъ.

Братъ Фужэ снова пріѣзжалъ сюда обѣдать. Положительно, онъ не глупъ и точно также не очень несносенъ; тѣмъ не менѣе я нахожу что вижу его слишкомъ часто. Впрочемъ, я полагаю что онъ скоро покинетъ сіи прекрасныя мѣста, какъ сказалъ бы бѣдный г. Гюи *. Онъ ничего не дѣлаетъ, не имѣетъ никакой профессіи, и, не взирая на это, онъ весь пропитанъ предразсудками національными, бонапартистскими, литературными и судебными. Еслибы, по крайней мѣрѣ, онъ воспользовался своею независимостью, чтобы освободиться отъ всего этого груза! Такъ нѣтъ же; Нѣмецъ скорѣе бы это сдѣлалъ. Беранже съ полнымъ основаніемъ сказалъ:

---

* Близкій знакомый дома.

Philosophe
De mince étoffe,
Ton oeil ne peut se détacher
Du vieux coq de ton vieux clocher *.

Вторникъ.

Я только сегодня получилъ вашу записку вмѣстѣ съ письмомъ г. Чорлея, на которое я поспѣшу отвѣтить завтра же. Сообщите Віардо (я ему буду также писать на дняхъ) что охота откроется 25го. Долженъ ли я что-либо предпринять для полученія ему разрѣшенія на охоту? Впрочемъ, все обстоитъ благополучно, и я молю Господа благословить васъ тысячу разъ и вернуть васъ здравою и невредимою во Францію.

Все еще нѣтъ никакихъ извѣстій о г. и гжѣ Ситчесъ. Прощайте; будьте здоровы и счастливы...

Вашъ

И. Тургеневъ.

---

* Философъ моднаго свойства, твой глазъ не можетъ оторваться отъ стараго пѣтуха твоей старой колокольни.

XXIII.

Куртавенель, четвергъ, 16 августа 49 г.

Здравствуйте, сударыня. *Guten Morgen*.....

И дѣйствительно, они оба прибыли вчера вечеромъ. Я говорю о г. и гжѣ Ситчесъ. Я былъ очень радъ ихъ видѣть. И затѣмъ у нихъ такой счастливый видъ, они поразказали мнѣ массу вещей, малѣйшія подробности ихъ путешествія и затѣмъ о свадьбѣ, и говорили съ такимъ радостнымъ многословіемъ! Они показали мнѣ портретъ Леонарда, который выглядитъ славнымъ малымъ.

Я заставилъ ихъ разказать какъ они свидѣлись съ мадемуазель Антоніей, что они ей говорили, что она отвѣчала имъ; какъ увидались они въ первый разъ съ г. Леопардомъ, что

онъ сказалъ имъ, что они отвѣтили ему, какое на немъ было платье, какая у него была въ рукахъ шляпа, и какое платье было на нихъ, и затѣмъ, все поднимаясь къ болѣе важнымъ подробностямъ, о приготовленіяхъ ко дню свадьбы и т. д. и т. д.; они должны были описать мнѣ все; и они это исполнили, они повторялись съ упоеніемъ, они подражали манерѣ смотрѣть Леонарда, звуку его голоса, и я слушалъ ихъ съ истиннымъ интересомъ, потому что счастье заразительно.

Наконецъ, я надѣюсь что все это будетъ продолжаться такъ же хорошо, какъ оно началось. Сегодня потокъ превратился въ ручеекъ; мы все еще говоримъ, но увлеченіе истощается.

Мадемуазель Берта пріѣзжаетъ завтра съ Лупзой. Куртавенель начинаетъ наполняться. Я ужъ не буду больше обѣдать съ глазу на глазъ съ самимъ собою.

Пятница.

Сударыня! позвольте мнѣ говорить торжественнымъ тономъ, который

былъ бы на высотѣ обстоятельствъ. Сударыня! ужасный бичъ, подобный тѣмъ казнямъ египетскимъ, о которыхъ говоритъ Св. Писаніе, разразился надъ прекраснымп мѣстами, въ которыхъ вы сбитаете, или вѣрнѣе, въ которыхъ вы не обитаете. Онъ захватилъ насъ не врасплохъ: онъ ужъ часто грозилъ намъ своими ужасами... что я говорю? мы уже неоднократно испытывали дѣйствіе его ударовъ... (вѣдь это настоящій Разинъ). Но на сей разъ жестокость его превзошла всѣ самыя мрачныя ожиданія, потрясла самыя твердыя сердца и широко, распространила оцѣпенѣніе отчаянія. Сударыня! этотъ бичъ, это *rougets* * или же это суть *rougets*, какъ вамъ будетъ угодно.

*) *Rouget* крошечное паукообразное изъ клещей. Въ Россіи онъ массами не встрѣчается, а потому народъ его не знаетъ и не далъ ему имени. Личинки этого *rouget* очень больно кусаются и нападаютъ на человѣка въ осеннее время, почему вызванныя имъ язвочки зовутъ *leptus autumnale*. По латыни *rouget*—*Trombidium holosericeum*—наши зоологи переводятъ *клещикъ-красношейка*.

Ваше чувствительное сердце должно было это угадать.

Сударыня! въ *одинъ* часъ времени ваша тетушка, которая, замѣтьте хорошенько, не выходила на воздухъ во весь день, сняла пятьдесятъ, *cincuenta*, *fünfzig*, *fifty*! съ своего лица и со своей шеи! Она намъ ихъ показала, мы ихъ сосчитали. Она брала ихъ платкомъ по два, по три, по пяти! Всѣ наши тѣла представляютъ сплошную рану, подобно тѣлу Ипполита... Я чешусь всѣми десятью пальцами, чешусь до потоковъ крови. Надѣюсь что это не будетъ долго длиться. Это было бы слишкомъ ужасно! Мы ожидаемъ мадемуазель Берту съ нетерпѣніемъ *para dar a comer a los bichos*, какъ говоритъ спиньйоръ донъ-Пабло,—можетъ-быть она произведетъ полезную диверсію. Никогда еще это не было столь сильно. Лишь бы бѣшенство этихъ адскихъ животныхъ утолилось до вашего прибытія!

Братъ г. Фужѐ рѣшительно *a borc* *

* Наводящій тоску.

(вы знаете что̀ означаетъ это слово по-англійски) *a bore* – первоклассный. Онъ явился терзать меня въ день пріѣзда вашей тетушки. Ничего столь тяжело напыщеннаго, столь претенціозно пустаго, столь торжественно глупаго, никогда еще не было подъ сводомъ неба.

Знаете ли вы эту отратительную улыбочку, которая желала бы быть плутовскою, а оказывается только натянутою, эту улыбочку всю пропитанную самомнѣніемъ, эту улыбочку, которая постоянно витаетъ на устахъ самодовольныхъ дураковъ? Ну, такъ эта улыбочка не покидаетъ блѣднаго лица этого господина. Что̀ меня изумляетъ во всемъ этомъ, такъ это мое добродушіе. Я цѣлыми часами бесѣдую съ этимъ существомъ; я даже *полагалъ* что̀ онъ *менѣе* неспосенъ, чѣмъ я это почувствовалъ... А еще есть люди, полагающіе что умъ мой склоненъ къ сатирѣ.

Вообразите что у него манія заучивать наизусть прозу. Мы го-

ворили объ описаніяхъ... „М. г.,“ сказалъ онъ мнѣ своимъ докторальнымъ тономъ, „всякое описаніе излишне, развѣ только оно таково, каково описаніе Фенелона въ *Телемакѣ*, гдѣ сказано: „„Природа была лишь обширнымъ садомъ.““ Обширнымъ садомъ! Вотъ мысль новая, прекрасная, трогательная, которая говоритъ моей душѣ“. И цѣлыя полчаса чудовище не переставало повторять эту фразу: „божественно, очаровательно“ и т. д.

Что за невыносимое существо! Онъ долженъ былъ родиться въ старомъ сыромъ погребѣ отъ стараго паука и разбитой параличемъ жабы. Я представляю себѣ бога скуки въ видѣ исполинскаго паука. Словомъ пусть его съѣдятъ *rougets*! Я не могу придумать желанія, болѣе жестокаго. Но, повидимому, въ Розѣ они неизвѣстны. Неужели Куртавенель ихъ исключительная родина?

Суббота, вечеромъ.

Мадемуазель Берта прибыла вчера вмѣстѣ съ Луизой. У Луизы видъ

превосходный, да и мадемуазель Берта вида больнаго не имѣетъ. Дѣвочка намъ показывала свои награды и свою зеленую ленточку. Я нахожу что у нея манеры немножко „мнѣ все трынъ-трава“, но это образуется, потому что, въ сущности, это милая и кроткая натура, несмотря на ея рѣзкій смѣхъ.

Садовникъ, при видѣ прибытія всего этого народа, принялся работать немножко; Жанъ все третъ болѣе чѣмъ когда-либо; вообще, Куртавенель сейчасъ такъ весь и сіяетъ. Но если не будетъ наведенъ порядокъ, то черезъ двѣ недѣли каналы замѣнятся чуднымъ поясомъ самой черной тины.

Не знаю изъ красныхъ ли садовникъ, но онъ несомнѣнно обладаетъ тремя главнѣйшими пороками этой партіи, къ которой, впрочемъ, имѣю честь принадлежать и я; то-есть онъ болтливъ, лѣнивъ и ни на что не годенъ. Какимъ бы я былъ плохимъ садовникомъ!.. Поразмысливъ объ этомъ, я собственно не знаю, *кѣмъ* бы *хорошимъ* могъ я быть.

Французское ли это выраженіе? Не знаю, ну, куда ни шло!

Уже давно не получалъ я отъ васъ письма! Немножко это по моей винѣ, но всякому грѣху милосердіе. *Bitte, bitte...*

Воскресенье.

Ничего новаго со вчерашняго дня. Однако, *rougets* повидимому начинаютъ умѣрять свою ярость. Пора было. Я становился, какъ говоритъ Аннибалъ въ *Авантюристкѣ*, до такой степени безобразенъ въ голомъ видѣ, что не рѣшался раздѣваться.

Я катался этихъ дамъ въ лодкѣ; я сочинялъ пѣсенки для Лизы.

Идетъ почтальонъ, я долженъ отдать ему мое письмо... Вы болѣе чѣмъ держите слово, ибо вотъ уже два письма, какъ вы получили съ тѣхъ поръ... Что дѣлать! Подожду. Да благословитъ васъ Господь тысячу разъ и да хранитъ Онъ ваше здоровье. Весь вашъ

Иванъ Тургеневъ.

P. S. Я буду завтра писать Віардо. Зайченки умерли.

XXIV.

не тамъ, гдѣ встрѣтилъ наибольшее количество любви, гдѣ сердцемъ и душой всего больше чувствуешь себя по себѣ? На землѣ нѣтъ другаго мѣста, которое бы я любилъ такъ, какъ Куртавенель. Не сумѣю вамъ передать какъ я былъ тронутъ всѣми свидѣтельствами дружбы, полученными мною за послѣдніе дни; я, право, не знаю чѣмъ я ихъ заслужилъ; но что̀ я знаю, такъ это то что воспоминаніе о нихъ сохранится во мнѣ пока я буду живъ. Вы имѣете во мнѣ, дорогой Віардо, преданнаго, истиннаго друга.

Будьте же счастливы; я вамъ желаю всего что̀ есть въ мірѣ хорошаго. Наступитъ такой день, когда мы снова свидимся, и день этотъ обильно вознаградитъ меня за всѣ печали, которыя меня ожидаютъ. Благодарю васъ за ваши добрыя совѣты и горячо васъ цѣлую.

Будьте счастливы, добрый и дорогой Віардо, и не забывайте вашего друга.

Ив. Тургеневъ.

XXV.

Тургенево *, понедѣльникъ, 9 сентября 1850 г.

Здравствуйте, дорогой, добрый, благородный, чудесный другъ, здравствуйте, о вы, которая все то, что̀ есть лучшаго въ мірѣ! Дайте мнѣ ваши дорогія ручки, чтобъ я ихъ расцѣловалъ. Это мнѣ будетъ очень пріятно и приведетъ меня въ хорошее настроеніе. Ну вотъ, такъ и есть. Теперь будемте бесѣдовать.

Итакъ, я долженъ вамъ сказать что вы ангелъ доброты и что письма ваши сдѣлали меня счастливѣйшимъ изъ людей. Еслибъ вы знали что̀ это значитъ, когда дружеская рука пищетъ васъ издалека и опускается на васъ! Испытываемое чув-

* Вотчина Тургенева.

ство благодарности доходитъ до поклоненія. Да благословитъ васъ Богъ тысячу разъ! Я нуждаюсь въ расположеніи въ данную минуту, я такъ здѣсь одинокъ. И не сумѣю я вамъ выразить какъ я люблю тѣхъ, кого я люблю, и кто имѣетъ ко мнѣ расположеніе.

Четвергъ.

Я былъ принужденъ прервать это письмо три дня тому назадъ и спѣшу вернуться къ вамъ, какъ только я могу это сдѣлать. Семейныя дѣла, или вѣрнѣе, семейныя затрудненія, были тому причиной. Я начинаю думать что все это приходитъ къ концу; а потому и не буду вамъ ничего говорить обо всемъ этомъ, пока не буду въ состояніи сообщить вамъ хорошаго или плохаго результата.

Я сдѣлалъ маленькое путешествіе за тридцать верстъ отсюда; я отправлялся повидать одну мою „прежнюю страсть“, которая была именинница. Прежняя страсть чертовски измѣнилась и постарѣла (она вышла замужъ и теперь уже мать трехъ

дѣтей). Ея супругъ весьма угрюмый и крайне мелочный человѣкъ. Я прощаю моей прежней страсти ея супруга, ея троихъ дѣтей и даже красноватый цвѣтъ ея лица. Но чего я ей не прощаю, такъ это того, что она сдѣлалась незначительною, сонною и пошлою; особенно же того, что она прицѣпила себѣ фальшивый хвостъ изъ *черныхъ* волосъ, между тѣмъ какъ свои волосы у нея русые, почти бѣлокурые, и еще того что она сдѣлала это до такой степени небрежно, что виденъ былъ узелъ, величиной съ цѣлый кулакъ, а концы его, одинъ черный, другой бѣлокурый, граціозно спускались направо и налѣво. Она сѣла за форте-піано, но злосчастный инструментъ звучалъ фальшиво до ужаса, звучалъ тою слащавою фальшивостью, которая самая напхудшая, а она этого не замѣчала и играла страшно устарѣвшія музыкальныя піесы, и играла ихъ весьма плохо... Увы! трижды увы! Мое прежнее пламя въ настоящее время даже не дымъ: немножко

остывшей золы, вотъ и все. Вотъ какія съ нами бываютъ превращенія.

Я провелъ ночь въ ея домѣ. Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, я перечелъ ваши письма: я очень вамъ признателенъ за то что вы пишете мнѣ такія хорошія письма! Еслибъ вы знали какъ пріятно и сладостно письмо отъ васъ! Что за прелестный, тонкій и вѣрный умъ, какая великая и благородная душа сквозитъ въ каждой строчкѣ! Мнѣ удовольствіе вамъ говорить это, читайте же это съ удовольствіемъ, потому что вполнѣ истинно то, что я вамъ говорю можете мнѣ вѣрить.

Относительно Полины *, вы уже знаете что я рѣшился слѣдовать вашимъ приказаніемъ и думаю лишь о средствахъ исполнить это быстро и хорошо. Изъ Москвы и Петербурга я изо дня въ день буду писать вамъ что я буду дѣлать для нея. Это долгъ, который я исполняю, и я исполняю его со счастіемъ разъ вы имъ интересуетесь. *Si Dios quiere*, она будетъ скоро въ Парижѣ.

* Дочь Тургенева.

Вы—мой добрый ангелъ. Слово *добрый ангелъ* меня заставляетъ думать о романсѣ *Чернаго Домино*, и затѣмъ я вижу васъ, какъ вы идете по травѣ въ Кургавенелѣ съ гитарой въ рукахъ и показываете „прекрасную Инессу“ мадемуазель Антопіи, и моя *мистная* память тотчасъ же рисуетъ мнѣ небо, тамошнія деревья, ваше платье съ коричневымъ рисункомъ, вашу сѣрую шляпу. Мнѣ кажется что я чувствую на своемъ лицѣ дыханіе легкаго осенняго вѣтерка, который шептался въ яблоняхъ надъ нашими головами. Куда дѣлось это предестное время?.. Надобно поговорить о другихъ вещахъ.

Весьма вѣроятно что я имѣлъ бы о гжѣ Паста то мнѣніе, которое вы во мнѣ предполагаете, еслибы я слышалъ ее въ Петербургѣ въ началѣ моего музыкальнаго образованія, но я не имѣлъ этого счастія. Я ее и не видалъ и не слыхалъ, но теперь я знаю что̀ мнѣ надобно о ней думать.

Вы меня спрашиваете, въ чемъ заключается „красота“. Да, вопреки

разрушительному дѣйствію времени, которое уничтожаетъ форму, въ которой она выражается, она всегда тутъ.. ибо красота — единственная безсмертная вещь и пока продолжаетъ еще существовать хоть малѣйшій остатокъ ея матеріальнаго проявленія, безсмертіе ея продолжается. Красота разлита всюду, она простирается даже до смерти. Но она нигдѣ не сіяетъ съ такою силой, какъ въ человѣческой индивидуальности; здѣсь она наиболѣе говоритъ разуму, а потому, что до меня, то я всегда предпочту большую музыкальную силу, которой будетъ служить несовершенный голосъ, голосу хорошему, но глупому, такому голосу, красота котораго только матеріальна.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я вашего отзыва о второмъ актѣ *Сафо*! Если Гуно не *великая музыкальная сила*, если у него нѣтъ генія, я отказываюсь отъ всякаго сужденія о людяхъ и талантахъ.

Я не могу не завидовать вамъ; думайте обо мнѣ, когда эта прекрас-

ная музыка растрогаетъ вашу душу, думайте обо мнѣ, если можете. Музыка Гуно заставляетъ меня думать, что *Жидовка*, особенно музыка, выпавшая на долю Рахили, не то что вещь малозначительная, но лишь находится возлѣ истины и красоты. Вы имѣли большой успѣхъ и, тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, что эта тяжелая и натянутая декламація оставила большое утомленіе и большую пустоту у васъ въ душѣ. Можно сколько угодно говорить о наукѣ, національномъ колоритѣ и т. д., божественной искры тутъ нѣтъ. Это не безсмертно, какъ должна быть безсмертна всякая истинная красота. Вотъ *Vallon* безсмертно...

Помните ли вы маленькую, крайне странную пятилѣтнюю дѣвочку, о которой я вамъ говорилъ въ одномъ изъ моихъ писемъ? Я снова ее видѣлъ и продолжаю находить этого ребенка весьма страннымъ маленькимъ существомъ. Представьте себѣ самое хорошенькое маленькое личико, какое только можно видѣть; всѣ

черты невѣроятной тонкости, прелестная улыбка и глаза, какихъ я никогда не видывалъ, глаза взрослой женщины, то кроткіе и ласкающіе, то проницательные и наблюдательные, физіономія, которая ежеминутно мѣняетъ выраженіе и выраженіе которой изумительно по правдивости и своеобразности. Она обладаетъ здравымъ смысломъ, удивительною правильностью ощущеній и чувствъ; она много размышляетъ и никогда не хитритъ; поразительно съ какою инстинктивною правильностью ея маленькій мозгъ стремится къ истинѣ. Она обсуждаетъ рѣшительно все окружающее, начиная съ моей матери, а со всѣмъ тѣмъ это ребенокъ, *настоящій* ребенокъ. Бываютъ минуты когда ея взоръ принимаетъ мечтательный и грустный оттѣнокъ, отъ котораго у васъ сжимается сердце. Но въ общемъ она очень весела и очень спокойна. Она меня очень любитъ и порою смотритъ на меня такими кроткими и нѣжными глазами что я бываю совсѣмъ растроганъ.

Ее зовутъ Анной; она побочная дочь моего дяди, брата моего отца, и одной крестьянки. Моя мать взяла ее къ себѣ и обращается съ нею какъ съ куклой. Я обѣщалъ себѣ заняться современемъ ея воспитаніемъ. У мебя будетъ цѣлая семья на рукахъ. Когда что-нибудь ее поражаетъ, она дѣлаетъ движенія головой и бровями, которыя составляютъ мой восторгъ. Она какъ будто подвергаетъ своему обсужденію то что̀ слышитъ, и затѣмъ она даетъ вамъ удивительные отвѣты. Я вамъ сейчасъ кое-что разкажу о ней. Это было въ Москвѣ. Она пробыла около часа въ моей комнатѣ; мать моя наказала ее за это, не подумавъ о томъ, что я самъ увелъ ее, и въ то же время она запретила ей говорить за что̀ она наказана. Я вхожу въ кабинетъ моей матери, вижу что малютка стоитъ въ углу очень грустная и безмолвная; спрашиваю за что̀ она наказана; мать моя мнѣ разсказываетъ цѣлую исторію о непослушаніи и капризѣ; я подхожу къ ней и говорю ей нѣсколько уко-

ризненныхъ словъ. Она отвертываетъ головку, ни слова не говоря. Я ухожу изъ дома и возвращаюсь ужъ очень поздно. На другой день, очень рано, малютка приходитъ ко мнѣ въ комнату, спокойно садится на мой стулъ, нѣкоторое время безмолвно смотритъ на меня и прямо обращается ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы вчера повѣрили что̀ вамъ сказала обо мнѣ мама?

— Да.

— Ну, напрасно, вотъ за что̀ я была наказана... Я обѣщала этого не говорить и *я бы вамъ этого не сказала, еслибъ вы не повѣрили мамѣ.*

— Ты плакала во время наказанія?

Она съ гордостью подняла свою головку и, прищуривъ глазки, проговорила: „О, нѣтъ!“ Потомъ, послѣ минутнаго молчанія и размышленія, что у нея тождественно, она прибавила:—Но я плакала, когда вы подошли ко мнѣ въ кабинетѣ.

— А! такъ ты потому отвернула головку?

— Это вы замѣтили, а не видали того что я плакала?

— Нѣтъ, долженъ тебѣ въ этомъ признаться.

Она глубоко вздохнула, поцѣловала меня и ушла.

Клянусь вамъ, я ни слова не прибавилъ къ тому что она сказала; но еслибъ вы видѣли ея личико во время всего этого объясненія! На немъ читалась такая работа мысли, такая борьба чувствъ. Она—бѣлокурая и очень бѣленькая; глаза у нея сѣро-синіе, отливающіе въ черное; зубки у нея настоящія маленькія жемчужинки. Она очень любящее и очень чувствительное существо; на ряду съ этимъ у нея мало или почти вовсе нѣтъ памяти, такъ что она едва знаетъ азбуку. Увѣряю васъ, это крайне странное маленькое созданьеце, и я съ интересомъ ее изучаю. Ей еще нѣтъ пяти лѣтъ!

Суббота, 2 (14) сентября.

Сегодня у насъ почтовый день, дорогой и добрый другъ; слѣдовательно я отошлю вамъ это письмо, которое, не взирая на мое обѣщаніе, нисколько не походитъ на цѣлый *томъ*. Но какъ бы то ни было, вы — сама снисходительность, и я пошлю вамъ другое письмо въ будущій вторникъ, тѣмъ болѣе что я разчитываю имѣть возможность сообщить вамъ хорошія извѣстія. Здѣсь очень дурная погода, надѣюсь что у васъ въ Куртавенелѣ погода превосходная: дождя нѣтъ, но небо сѣрое и холодное, вѣтеръ *idem*, а въ промежуткѣ между порывами вѣтра слышится кислоз чириканье синицъ въ березахъ; появленіе синицъ, подобно отлету журавлей и дикихъ гусей, предвѣщаетъ холодъ. По поводу журавлей, мы каждый день видимъ ихъ стаи, и они своимъ правильнымъ и медленнымъ полетомъ направляются къ югу. Вы помните стихи изъ *Фауста*:

Wenn über Flächen, über Seen,
Der Krannich nach der Heimath strebt.

Употребленіе слова *streben* весьма удачное, попробуйте-ка перевести его по-французски!

Я не знаю ничего торжественнѣе журавлинаго крика, который какъ будто съ облаковъ падаетъ вамъ на голову. Этотъ крикъ громокъ, звученъ, могучъ и очень меланхоличенъ. Онъ какъ будто говоритъ вамъ: „Прощайте, жалкіе, маленькіе пѣшки-люди, которые не можете передвигаться съ мѣста; мы летимъ на югъ, туда, гдѣ теперь будетъ хорошо и тепло. Вы же оставайтесь въ снѣгахъ и бѣдѣ!.. Терпѣніе!“

Я вамъ отправляю это письмо прямо отсюда; до сихъ поръ я вамъ отправлялъ письма черезъ контору Языкова. Не знаю аккуратно ли вы ихъ получаете. Я сдѣлаю эту пробу. Почтальонъ ждетъ подъ окномъ. Это конюхъ моего брата, очень красивый малый и весьма доволенъ что

301

исполняетъ это порученіе, которое всегда доставляетъ ему нѣкоторую прибыль, — спупай, молодчикъ, неси это письмо! А вы, дорогіе мои друзья, будьте вполнѣ увѣрены, что въ тотъ день, когда я перестану нѣжно и глубоко любить васъ, я перестану и существовать. Да благословитъ васъ всѣхъ Господь и да пошлетъ Онъ вамъ счастье. Съ благовѣніемъ цѣлую ваши ручки. Будьте счастливы, благословенны и здоровы!

Вашъ старый другъ

И. Тургеневъ.